ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Цена 30 коп.

Литературная газета

Суббота, 5 июня 1937 г.

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 30 (666)

Разоблачить воронщину

Большую часть той работы по разоблачению остатков враждебных литературных агентур, которую проводит сейчас союз писателей, необходимо посвятить делам троцкистской группы «Перевал» и ее бывших участников.

Воронским, злобным, заклятым врагом народа, проводилась в литературе ничем не маскируемая троцкистская диверсия. Воронский реализовал, разрабатывал и углублял троцкистские положения в области литературной политики и литературной теории.

Глава фашистских диверсантов, террористов, убийц и шпионов, Троцкий, отвергавший возможность построения социализма в СССР, отрицал также возможность создания пролетарской, социалистической культуры и пролетарской литературы.

Воронский, вслед за Троцким, повторял, что советская литература может быть создана только представителями буржуазной интеллигенции и мелкобуржуазными писателями, ибо только эти слои являются носителями «подлинной» культуры и только они владеют тайнами художественного мастерства. Этот прямой агент Троцкого создал свою литературную группу писательской молодежи, которая, по мысли Воронского, должна была стать опорной базой троцкистских диверсантов в литературе.

Теперь уже установлено совершенно точно, что «Перевал» занимался не только общими вопросами литературной теории и художественной практики, но и прямой антипартийной «политической работой». Воронские, Горбовы и другие руководители «Перевала» обрабатывали в духе троцкистских установок литературную молодежь, входящую в об'единение или сочувствующую этой группе.

В «Перевале» были свои троцкистские «идеологи»—Воронский, Горбов, А. Лежнев, Пакентрейгер и другие, а также писатели, реализующие троцкистские теорийки в художественной практике. Воронско-перевальские литературно-политические «установки» и позиции нанесли большой вред советской художественной литературе.

Ведь Воронский влиял не только на перевальскую молодежь, у него были свои кадры и среди более старшего поколения писателей. Разве случаен тот факт, что контрреволюционная «Повесть о непогашенной луне» Б. Пильняка была написана по прямому подсказу Воронского? А сколько еще других произведений, вытекающих по своим установкам непосредственно из гнилых троцкистских «теориек» Воронского, было продиктовано Воронским и его оруженосцами.

В момент жесточайшего обострения классовой борьбы, когда партия большевиков переходила в развернутое социалистическое наступление по всему фронту, Воронский, Горбов, А. Лежнев провозгласили (а писатель Слетов воплотил в своей повести «Мастерство») лозунги «трагедийности искусства» (художник всегда в оппозиции к своему классу и обществу—как утверждал Горбов) и неклассового общечеловеческого гуманизма. Врага нужно изображать, говорили перевальцы, со всеми его хорошими, человеческими качествами. Этот тезис был направлен против большевистской революционной бдительности.

Воронский состряпал на основе философских теорий Маха, Бергсона, Фрейда антиленинскую теорию «непосредственных впечатлений», «интуитивизма», начисто отрицая значение сознания в художественном творчестве.

Далекий, на первый взгляд, от политики вопрос о природе и характере художественного творчества Воронский постарался использовать в своих вредоносных целях. Воронский говорил, что тайна искусства — в воспроизведении самых первоначальных и непосредственных впечатлений и ощущений. «Для того, чтобы дать волю художественным потенциям, надо стать невежественным, глупым, отречься от всего, что вносит в первоначальное восприятие рассудок».

Эти призывы Воронского были направлены к тому, чтобы отвлечь художника от политического осмысливания событий, явлений, всего своего творчества. Это была ставка на аполитичное искусство, что, особенно в условиях обостренной классовой борьбы, неизбежно вело к появлению произведений художественной литературы, отражающих идеологию враждебных социалистическому строительству классов.

Ведя на словах борьбу с воронщиной, авербаховцы усиленно пропагандировали вредительские «творческие» установки Воронского.

«Творческие» лозунги авербаховцев являлись прямым повторением «творческих позиций» Воронского. Вслед за Воронским Либединский утверждал, что «непосредственное впечатление — основа искусства». Авербаховцы говорили, что необходимо художнику отойти от политики, от житейских представлений, чтобы показать мир, прекрасный сам по себе. На этом основании Воронским и авербаховцами выбрасывались из литературы такие произведения, как «Что делать?» Чернышевского, ибо здесь нет непосредственных впечатлений, а каждое явление действительности осмысленно великим революционным демократом политически.

Так возникали лозунги о срывании всех и всяческих масок из «теорийки» Воронского — «снятия покровов»; так теория непосредственных впечатлений нашла свое выражение в ермиловских идеалистических лозунгах «мир это есть человек» и «за живого человека в литературе».

Это переплетение лозунгов авербаховцев с воронско-перевальскими лозунгами не является случайным. Троцкистская методология лежала в основе литературной деятельности воронщиков и авербаховцев. Горбов, например, для того, чтобы подделаться под авербаховскую терминологию, не постеснялся об'явить всех великих писателей прошлого подлинными материалистами-диалектиками.

«Теории» Воронского в области искусства целиком были связаны с «теориями» правого отщепенца Бухарина, сомкнувшегося с троцкистскими диверсантами, шпионами и убийцами. Бухаринское определение искусства, как систематизации чувств в образах, близко Воронскому, как и Переверзеву, ибо все они отвергали искусство и литературу, как орудие идейно-политической борьбы. Это ни у Воронского, ни у Авербаха, ни у Бухарина не было случайной обмолвкой, ошибкой. Это была система взглядов, направленных к тому, чтобы путем диверсии вывести из строя отдельные участки советской литературы.

Воронско-бухаринско-авербаховская «творческая методология» нашла свое выражение и в практике связанных с ними писателей. На основе этих «творческих установок» создаются враждебные делу социализма произведения. Внеклассовый, общечеловеческий гуманизм, жалость к врагу проповедует со страниц своей контрреволюционной повести «Молоко» враг народа Ив. Катаев. На основе этой «методологии» создаются авербаховцами произведения троцкистского характера «Родня» и «Бывший герой» — Чумандрина, на этой же основе написал «Рождение героя» Ю. Либединский, изобразив большевика Шорохова расслабленным, копающимся в себе интеллигентом.

Вред этой вражеской «методологии» совершенно очевиден. Ряду писателей, побывавших в школке «Перевала», пришлось много поработать, чтобы освободиться от вредоносных следов воспитания воронщиков.

После официального роспуска литературной группы «Перевал» многие последователи Воронского остались в литературе неразоружившимися. Они продолжают вредить и наносят ущерб делу социализма.

Бывший перевалец Зарудин написал совсем недавно роман «В народном лесу», являющий собою реализацию не только «творческих установок» Воронского, но и контрреволюционных «идей» Троцкого о крестьянстве.

Недавно партийной организацией Гослитиздата был исключен из партии бывший перевалец Алексей Платонов, автор книги «Макар — карающая рука», в которой он с восторгом писал о Троцком. Эту пакость он переиздал в 1934 году.

Бывшие перевальцы, враг народа И. Катаев, Зарудин, Б. Губер и др. нашли себе в последнее время приют в журнале «Наши достижения». К работе этого журнала, как известно, приложил свою руку грязный проходимец, враг народа Крючков.

Союзу писателей, парторганизации Гослитиздата, издающего этот журнал, следует внимательнее проанализировать всю его работу.

Некоторые факты свидетельствуют о том, что кое у кого сохранилось благодушное отношение к перевальской контрабанде. Так, в Гослитиздате собираются издавать книжку Е. Вихрева «Палех», в которой последовательно проводятся идеалистические взгляды на искусство и воспевается гнилая практика «Перевала».

Необходимо просмотреть деятельность всех бывших перевальцев, разобраться в их нынешней практике, посмотреть, насколько каждый из них изжил свои перевальские взгляды. Надо с корнем вырвать всякие остатки воронщины.

Эта работа поможет нам разоблачить врагов, троцкистскую агентуру в литературе. Эта работа поможет повести литераторов к новым творческим победам, к подлинному овладению методом социалистического реализма, к созданию подлинной социалистической литературы.

Чествование памяти Михаила Налбандяна

В текущем году исполняется 70-летие со дня смерти крупнейшего армянского демократического писателя и публициста Михаила Налбандяна. Правительство Армянской ССР решило эту дату ознаменовать рядом мероприятий.

В столице Армении — Ереване — будет поставлен памятник М. Налбандяну. Открытие памятника намечено в 1938 году.

Госиздату Армении поручено не позже осени текущего года издать однотомник избранных произведений М. Налбандяна на армянском языке, а в 1938 году — закончить изданием полное собрание сочинений и писем Налбандяна в 4 томах.

Торжественные заседания в связи с 70-летием со дня смерти Михаила Налбандяна будут организованы в сентябре нынешнего года в городах Ереване, Ленинакане, Кировакане.

Большой театр—орденоносец

Нигде в мире люди искусства не окружены таким почетом, таким вниманием и любовью масс, как в великой Советской стране, где высшим судьей искусства выступает сам народ.

Правительство советского народа неоднократно отмечало высокими наградами деятельность людей и коллективов, усилия которых целиком направлены на борьбу за торжество социалистической культуры. Только на-днях мы были свидетелями торжественного награждения орденами узбекских театров, пребывание которых в Москве явилось подлинным праздником советского искусства. Этому предшествовали акты награждения грузинского, казахского и украинского театров, а также одного из самых замечательных коллективов не только в СССР, но и во всем мире, — МХАТ СССР имени Горького.

Теперь в семью театров-орденоносцев вступает Государственный Академический Большой театр, а славная плеяда народных артистов СССР пополнилась широко известными именами Самосуда, Держинской, Обуховой, Степановой, Штейнберга, Пирогова, Рейзена и Барсовой. Десять работников театра награждены орденами Ленина, двадцать пять — орденами Трудового Красного знамени, шестьдесят — Знаком почета, сорок пять — почетными грамотами ЦИК СССР. Многим актерам — солистам балета и оркестра присвоено звание заслуженного артиста РСФСР.

Чем вызвана такая высокая оценка работы театра и его мастеров?

У каждого, кто внимательно следит за развитием советской оперы, ответ напрашивается сам собой:

Старейший по возрасту Большой театр мужественно и уверенно шагает в ногу со своими юными товарищами, совместно с ними отстаивая принципы народности в искусстве. Один из знаменосцев русской музыкальной культуры, гордый хранитель ее замечательных традиций, он борется сейчас за советскую оперную классику, за новые изобразительные средства, за социалистическую тематику, близкую сердцу нового зрителя, столь непохожего на тех равнодушных и пресыщенных созерцателей, которые до революции заполняли партер и ложи театров.

Большой театр решительно порвал с мертвыми штампами императорского «искусства». Он полон творческого беспокойства, он неутомимо собирает и воспитывает молодые кадры певцов, музыкантов и танцоров, он несет свои достижения миллионам, умеющим ценить талант, дерзание, молодые порывы и уважение к лучшим традициям.

Постановление правительства о награждении этого театра орденом Ленина будет радостно встречено всеми деятелями искусства, всей страной. Оно вдохновит работников Большого театра на новые победы.

Замечательные успехи наших оперных коллективов требуют от организаций ССП большего внимания вопросам оперной драматургии. Этим вопросам мы посвятим несколько статей в ближайших номерах газеты.

А. С. Пушкин — скульптура И. Менделевича (Выставка московских скульпторов).

Накануне годовщины со дня смерти Горького

Один миллион книг

Гослитиздат выпускает в тридцатипятитысячном тираже новое десятитомное собрание сочинений А. М. Горького. В текущем году выйдут первые три тома. В двух томах собраны ранние рассказы писателя, в третьем томе — пьесы «Мещане» и «На дне».

Отдельными иллюстрированными изданиями выходят «Васса Железнова» и «Матвей Кожемякин».

Недавно издательство выпустило первую, вторую и четвертую части посмертного романа А. М. Горького «Жизнь Клима Самгина». Третья часть романа выйдет в ближайшем времени.

«Мои университеты», «В людях», «Буревестник», «9 января» и другие произведения Горького издаются тиражом **75—100 тысяч** экземпляров.

Всего издательство в 1937 году выпустит **свыше одного миллиона экземпляров книг Горького.**

В сборнике литературно-критических статей А. М. Горького, выпускаемом Гослитиздатом, впервые будут собраны все важнейшие работы и высказывания великого писателя о литературе: статьи, заметки, литературные портреты писателей, стенограммы выступлений на писательских с'ездах и собраниях, воспоминания и т. п. Открывается книга «Заметками о мещанстве». Далее идут воспоминания о Чехове, о Льве Толстом и др.

Рукописи Горького

Архив А. М. Горького непрерывно пополняется автографами великого писателя и материалами, связанными с его именем.

Уже собрано свыше **тридцати пяти тысяч** рукописей и писем Горького и различных документов о нем.

За последние дни поступили материалы (рукописи, переписка Горького с читателями и писателями) из Орловского литературного музея им. Тургенева, Костромского краеведческого бюро, Клинского музея им. Чайковского и т. д.

Художник Ю. Гогбетлиев передал несколько писем Горького и правленные им рукописи.

Большое собрание автографов получено из Государственного литературного музея и рукописного отделения Института мировой литературы им. Горького.

Из редакции альманаха «Год шестнадцатый» получена рукопись повести Авдеенко «Я люблю» с редакционной правкой Горького.

В архив передано также около **300 книг** из личной библиотеки писателя. На многих из них рукою Горького сделаны пометки.

Декада в ЦПКиО

Центральный парк культуры и отдыха им. Горького, совместно с ССП СССР, Домом советского писателя, Гослитиздатом и другими организациями, решил провести с 18 по 30 июня **декаду памяти А. М. Горького.**

Декада откроется торжественным заседанием, посвященным творчеству великого писателя. Заседание это будет проведено совместно с Академией наук СССР.

В Белоруссии

Советская общественность **Белоруссии** широко готовится к ознаменованию первой годовщины со дня смерти А. М. Горького. Минский Дом Красной армии открывает выставку, посвященную жизни и творчеству великого мастера художественного слова. Библиотека ДКА проводит вечера о Горьком. Из красноармейских частей поступают многочисленные просьбы об устройстве докладов о творчестве писателя.

Белгосиздат продолжает издание полного собрания сочинений Горького на белорусском языке.

Вечера и собрания В Ленинграде

На последнем заседании правления ленинградского отделения ССП был обсужден вопрос о подготовке к первой годовщине со дня смерти А. М. Горького.

В обсуждении плана горьковских дней участвовали **Н. Тихонов, М. Слонимский, Б. Лавренев, Л. Соболев, Н. Свирин, О. Цехновицер.**

Помимо собраний в Доме писателя им. Маяковского и в большом конференцзале ленинградских учреждений Академии наук, предположено организовать общегородской вечер памяти Горького в парке культуры и отдыха им. С. М. Кирова.

Вечера памяти А. М. Горького устраивают клубы и дома культуры.

В издательствах УССР

Украинские издательства готовятся ознаменовать исполняющуюся 18 июня первую годовщину со дня смерти великого пролетарского писателя Алексея Максимовича Горького выпуском произведений писателя на украинском, еврейском и других языках.

Нацмениздат, недавно выпустивший «Мои университеты» **на немецком языке** и «Дело Артамоновых» **на болгарском языке,** выпускает «Вассу Железнову» и сборник избранных рассказов Горького — **на польском языке.** «Городок Окуров» выходит в переводе **на еврейский язык.**

Гослитиздат Украины выпускает сборники пьес и автобиографических произведений Горького — «Детство», «В людях», «Мои университеты».

Издательство «Молодой Більшовик» выпускает трехтомник избранных произведений великого писателя. В него будут включены статьи и речи, посвященные молодежи.

Издательство «Мистецтво» («Искусство») выпускает большой портрет А. М. Горького и готовит к печати «Народные рассказы о Пушкине, Горьком и Шевченко», созданные украинским народом в связи с пребыванием великих писателей на Украине.

Гослитиздатом Украины выпущен сборник материалов **«Горький и Коцюбинский»,** охватывающий неизвестные до сих пор материалы о связи обоих великих писателей.

Смотр горьковских спектаклей

В репертуаре советских театров пьесы Горького занимают почетное место. Наибольшим успехом пользуются «Егор Булычев», «Васса Железнова», «Мещане», «Враги», «Дети солнца», «Последние».

Еще в прошлом году народный артист СССР Б. В. Щукин и народная артистка РСФСР В. Н. Пашенная, отмечая, что сценическое воплощение замечательных горьковских образов должно стать делом чести каждого советского театра, предложили ежегодно устраивать показы пьес великого пролетарского писателя, приурочивая их к годовщине его смерти.

Всесоюзный комитет по делам искусств принял это предложение и организует к предстоящей годовщине смерти Горького смотр горьковских спектаклей, в котором примут участие московские и периферийные театры.

Ивановский областной драматический театр покажет пьесы «Васса Железнова» и «Последние»; Куйбышевский краевой театр — «Варвары» и «Васса Железнова»; Архангельский драматический театр — «Дачники» и «Последние»; Горьковский областной драматический театр — «Мещане» и «Зыковы».

Смотр периферийных горьковских спектаклей начнется 16 июня.

ЛИТЕРАТУРА УЗБЕКИСТАНА

На заседании секретариата ССП

3 июня на расширенном заседании секретариата ССП была обсуждена деятельность Узбекского союза советских писателей.

Из выступлений заведующего культурно-просветительным отделом ЦК компартии Узбекистана т. Берегина, писателей Уйгуна, Анкабая, Маджиди и К. Малахова, ездившего недавно в Ташкент по поручению секретариата, выяснилась не очень утешительная картина деятельности узбекской литературной организации. Руководство союза оторвано от писательского коллектива, не интересуется творчеством писателей, ничего не делает для того, чтобы развернуть большевистскую самокритику. Можно даже говорить об обратном явлении — о зажиме самокритики, об игнорировании того недовольства, которое часто проявляется писательской средой.

В такой обстановке легче всего, конечно, орудовать чужакам, вроде Чолпана, пытающегося подчинить своему вредному националистическому влиянию литературную молодежь. Отсутствие твердого и принципиального руководства затрудняет борьбу за марксистско-ленинское освоение многовекового культурного наследства узбекского народа, за правильное освоение фольклора.

Особенно важной задачей является в настоящих условиях полное разоблачение остатков авербаховщины в узбекской литературе.

Уйгун подробно рассказал о разрушительной работе авербаховской агентуры — Голодовича, Бабаева и др., о той политике растления нравов, взаимного натравливания писателей, дискредитации культурного наследства, которую эти обнаглевшие враги народа пытались насаждать в течение долгого времени. Немудрено, что в такой обстановке могло иметь место премирование плохого, политически вредного романа молодого писателя Шамса. Этот случай, как отметил т. **Ставский,** свидетельствует о том, что в узбекском ССП еще не понимают, как нужно работать с молодыми писателями, выходцами из рабочей среды, как пагубно может повлиять на всю их дальнейшую судьбу неумеренное захваливание их, незаслуженное превознесение их книг.

Очень вредно может отразиться на творчестве многих узбекских писателей и огульный подход к ним, неумение учесть индивидуальные особенности каждого из них и применить соответствующие методы помощи и воспитания. Тов. Ставский приводит в качестве примера отношения узбекского ССП с Фитратом, писателем, которого никто не пытается направить на путь, отвечающий особенностям его дарования.

Со всей остротой поставили узбекские писатели на заседании секретариата вопрос об организации плановых переводов узбекской литературы на русский язык. До сих пор дело это ведется из рук вон плохо, вследствие невнимательного к нему отношения со стороны всесоюзного руководства ССП. Это привело к тому, что монопольным переводчиком узбекской поэзии стал некий халтурщик Бессонов.

Следовало бы поближе заинтересоваться этим вопросом и Гослитиздату, но здесь сидят люди неповоротливые, ждущие, чтобы к ним пришли переводчики с готовыми уже материалами, и не проявляющие особой инициативы в организации таких переводов.

Говоря о необходимости установить крепкую связь между центральной и республиканскими организациями ССП, многие ораторы настаивают на воскрешении традиций писательских бригад. Бригады прежде организовывались плохо, беспринципно, но из этого не следует, что дискредитирована самая идея их. Нужно только серьезнее отнестись к этому делу, и оно даст весьма ценные результаты.

Тов. Ставский обещал учесть все высказывания и предложения узбекских писателей и принять меры к тому, чтобы они возможно скорее были реализованы.

ЯКОВЛЕВ

ДНЕВНИК «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Знаменательные итоги

Закончилась декада узбекского искусства.

Итоги этих незабываемых дней великолепно подведены союзным правительством, наградившим орденами Узбекский государственный академический театр имени Хамза, Государственный узбекский музыкальный театр и Узбекскую государственную филармонию и отметившим высшей наградой большую группу узбекских актеров и деятелей искусств и литературы.

В постановлении правительства нашли полное и отчетливое выражение чувства трудящихся столицы Союза и всей Советской страны. Это — чувство бесконечной радости от сознания, что растут и множатся ряды строителей социалистического искусства, что пышным цветом расцветают культуры народов СССР, что крепнут узы братства, дружбы и любви между этими народами, покой, счастье и труд которых охраняются самой демократической в мире—Сталинской Конституцией.

Достаточно ознакомиться поближе с биографиями многих узбекских актеров и актрис, чтобы со всей наглядностью выступили перед нами те огромные трудности, которые им приходилось и приходится преодолевать в своем служении народу. Националисты, муллы, троцкисты, контрреволюционеры разных мастей единым фронтом пытаются повернуть назад колесо истории, задержать развитие талантливого узбекского народа, с вредительскими целями проникают на различные участки искусства. Они старательно сеют здесь зерна национальной вражды, проповедуют романтическую идеализацию старины, насаждают теорийки о самобытности, смысл которых сводится к необходимости уйти подальше от влияния мировой культуры и, в особенности, конечно, культуры советской, и т. д. и т. п.

Но ленинско-сталинская национальная политика побеждает в борьбе с врагами народа. Она обеспечивает осуществление грандиозных задач строительства культуры, национальной по форме, социалистической по содержанию.

Плоды этой политики Москва еще раз увидела на декаде узбекского искусства. Она не забудет этих солнечных песен, возможных только там, где нет рабства, нищеты, бесперспективности, она не забудет этих изумительных, неповторимых по своеобразию, танцев, этого праздника молодости и красоты, покоривших сердца самых взыскательных театралов. Она не забудет прекрасных образов, созданных в «Гюльсара», «Фархад и Ширин», «Саиль и колхозный той» и в первую очередь образа Гюльсары, воплотившего легендарный героизм узбекских женщин, которые, бок о бок с братьями и мужьями, дерутся за раскрепощение своего народа.

С любовью и благодарностью вписывает Советская страна в золотую книгу побед на фронте искусства, рядом с именами Хорава, Васадзе, Литвиненко-Вольгемут, Байсеитовой и др. имя чудесной узбекской актрисы Халимы Насыровой. Громадную популярность приобрели имена Тамары Ханум, Сарымсаковой, Кари Якубова, Тургунбаевой, Хидоятова и многих других творцов искусства Узбекистана. И вместе с этим еще настойчивее становится желание москвичей — как можно скорее ознакомиться с творчеством других народов советской республики. Все прошедшие декады не оставляют никаких сомнений насчет того, что нам предстоит еще немало радостных, волнующих и на этот раз, пожалуй, уже не неожиданных встреч. Мы к ним подготовлены теми прекрасными событиями, какими явились в нашей культурной жизни украинская, казахская, грузинская и узбекская декады.

Следовало бы уже со всей серьезностью и ответственностью приступить к обобщению опыта этих замечательных смотров. То, что сделал Всесоюзный комитет по делам искусств, созвав 1 и 3 июня совещание для обсуждения итогов узбекской декады, — только начало и, надо признаться, начало довольно робкое. Нужно шире поставить вопрос о путях развития национальной культуры и искусства в стране Советов, нужно привлечь к обсуждению материалы **всех** декад, нужно, чтобы в этой конференции приняли участие самые авторитетные театроведы, музыкальные деятели, режиссеры и актеры, чтобы выводы этой конференции нашли широкое отражение в печати.

Дело ведь не только в том, чтобы выразить свое восхищение успехами искусства советских народов и успокоиться. Перед нами стоит и задача — дать серьезный критический анализ недостатков просмотренных спектаклей. Необходимо серьезно поговорить и о неправильных тенденциях в использовании фольклора, тенденциях, частично имеющихся, как это было отмечено на совещании в Комитете по делам искусств, и в узбекском театре.

Другой важнейшей задачей является пропаганда лучших достижений советского искусства, забота о широком внедрении их в общесоюзный обиход. Пока что в этом направлении сделано очень мало: в Саратове показан на русском языке «Даиси», готовят «Абессалом и Этери» украинский Государственный оперный театр и Большой театр. Нужно добиться того, чтобы этими мероприятиями не ограничилась инициатива театров, чтобы обмен творческим опытом приобрел более широкий и систематический характер. Решающую роль в этом отношении призван сыграть, конечно, Всесоюзный комитет по делам искусств.

Но не может отстраниться от этого дела и Союз советских писателей. Он обязан содействовать вовлечению поэтов и драматургов в работу театральных коллективов в братских республиках, он обязан установить теснейший контакт с этими писателями, помочь им в их серьезной работе. В числе награжденных правительством деятелей узбекского искусства мы находим и имена драматурга Яшина (Нугманова), поэтов Хамида Алимджанова, Уйгуна Атакузиева, Ильбека Юнусова. Однако ни для кого не секрет, что работа этих товарищей до последнего времени оставалась неизвестной для правления ССП и не получала от него необходимой поддержки.

Надо думать, что правительственное постановление заставит союз поближе подойти к драматургии братских народов, заняться более глубоким и детальным изучением ее, активно включиться в работу конференции, которую, как мы полагаем, Комитет по делам искусств не замедлит созвать для всестороннего обсуждения итогов всех прошедших декад.

Это, безусловно, обогатит нашу театральную и музыкальную литературу ценнейшими выводами, внесет ясность в ряд вопросов, разрешаемых еще иногда наощупь, и облегчит многочисленным народам СССР их совместную борьбу за культуру социалистической эпохи.

ЛИТЕРАТУРА и ИСКУССТВО ГРУЗИИ

Из доклада т. Л. П. БЕРИЯ на X с'езде КП(б) Грузии

Товарищи! Я позволю себе немного подробнее остановиться на вопросах литературы и искусства.

Победа социализма в нашей стране создала все необходимые предпосылки для бурного роста и процветания советской литературы и искусства.

Огромная работа проведена партией по освоению богатейшего литературного наследства наших классиков.

Все культурные ценности прошлого, которые раньше держались под спудом, ныне поставлены на службу трудящимся Страны Советов.

За этот период были отмечены юбилейные даты Э. Ниношвили, А. Церетели, Важа Пшавела.

В текущем году будет отмечена знаменательная дата столетия со дня рождения крупнейшего грузинского классика Ильи Чавчавадзе.

Выдающееся событие в культурной жизни Советской Грузии — это 750-летие со дня рождения гения грузинской поэзии — Шота Руставели.

В системе Государственного университета создан Литературный научно-исследовательский институт руставелологии. Проведена большая работа по установлению текста и подготовке юбилейного академического издания гениальной поэмы Руставели — «Вепхвис Ткаосани».

За это время осуществлен ряд новых переводов поэмы на другие языки — русский, украинский, готовятся переводы на армянский, азербайджанский и другие языки.

К юбилею Руставели готовятся все республики Советского Союза, демонстрируя интернациональную дружбу народов нашей великой родины.

За последние пять лет грузинская советская литература заняла одно из первых мест в ряду передовых братских литератур Советского Союза. Исключительную роль в развитии советской литературы, как вам известно, сыграло принятое по инициативе товарища Сталина постановление ЦК ВКП(б) от 23 апреля 1932 года о перестройке литературно-художественных организаций.

В литературных организациях Грузии в прошлом господствовала групповщина, которая разлагала писательские кадры и тормозила развитие грузинской литературы. Особую роль в этом деле играла так называемая Грузинская ассоциация пролетарских писателей (ГрузАПП), представлявшая филиал РАПП и возглавлявшаяся Б. Буачидзе, Ш. Радиани и другими.

Руководство ГрузАПП разжигало в писательской среде групповую вражду, отбрасывало всех непокорных и инакомыслящих в лагерь врагов советской власти.

Наряду с ГрузАПП в среде грузинских писателей в прошлом существовали замкнутые, обособленные группы: «Голубые роги», «Академическая» группа, «Лефовцы», «Арифиони» и другие.

В группу «Голубые роги» входили: П. Яшвили, Т. Табидзе, В. Гаприндашвили, Н. Мицишвили, Г. Леонидзе и другие.

Эта группа организовалась еще в 1916 году. Название «Голубые роги» в переносном смысле должно было означать творческий хмель, творческое опьянение, но в жизненном быту этот девиз нередко осуществлялся в пьянках и кутежах. **(Смех в зале).**

Творчество «голубороговцев» представляло в грузинской литературе запоздалый отзвук западно-европейской и русской буржуазно-декадентской литературы.

В результате успехов социалистического строительства, острой идейной борьбы, проведенной против «голубороговцев», группа распалась.

Если в первый период, после апрельского постановления ЦК ВКП(б) в 1932 году, в творчестве ряда поэтов из бывшей группы «Голубые роги» преобладали мотивы безыдейной лирики и они не могли выйти из своего узколитературного мирка, то в последние годы их творческая деятельность развертывалась уже в сторону разработки тем социалистического строительства.

«Академическая» группа представляла крайне правое крыло в грузинской литературе. Она возникла в 1922—23 гг. и включала в себя писателей К. Гамсахурдия, А. Абашели, Г. Кикодзе, П. Ингороква и других.

В издававшемся этой группой в 1924 году журнале «Кавкасиони» в № 1 группа следующим образом декларировала свою платформу:

> «Единственное мерило, которым в данном случае будет руководствоваться «Кавкасиони»,—это идея вечного искусства, находящаяся выше проходящей литературной моды...»

Журнал, естественно, стал притягательным центром для антисоветски-шовинистически настроенной части интеллигенции.

Но и эта, так называемая «академическая» группа, в результате успехов социалистического строительства и роста нашей социалистической культуры, также распалась.

Один из представителей этой группы А. Абашели начинает активно участвовать в общественной работе, написал ряд неплохих стихотворений на советские темы.

Другой представитель этой группы К. Гамсахурдия, мировоззрение которого определялось воинствующим национализмом с ясно выраженной фашистской окраской, в последнем своем произведении «Похищение луны» попытался отойти от этих своих старых идейных позиций и дать большое художественное полотно о нашей социалистической действительности. Но это ему удалось пока-что очень слабо.

Если К. Гамсахурдия хочет быть советским писателем, он должен освободиться от своих буржуазно-дворянских националистических идей и настроений, ближе стать к нашей социалистической действительности и свои крупные творческие возможности поставить на службу грузинскому трудовому народу.

Для группы «лефовцев», оформившейся в 1924 году, куда входили С. Чиковани, Д. Шенгелая, Б. Жгенти, Л. Асатиани и другие, было характерным формальное новаторство, мелкобуржуазное бунтарство. Они издавали специальный журнал «H_2SO_4» (химическая формула серной кислоты). **(Смех в зале).**

«Лефовцы» за последние пять лет освобождаются от характеризовавшего их в прошлом сумбура, переходят на идейные позиции нашей советской литературы и борются сейчас в первых рядах грузинской литературы.

Д. Шенгелая написал ряд рассказов на темы о социалистическом строительстве.

Он подготовил новый роман, посвященный юношеским годам товарища **Сталина.**

Поэт С. Чиковани дал ряд хороших стихотворений на современные советские темы.

В группу «Арифиони» входили писатели М. Джавахишвили, Ш. Дадиани, С. Шаншиашвили, Л. Киачели, Г. Кикодзе, И. Мосашвили и другие.

Она возникла в 1928 году. «Арифи» по определению одного из участников группы — Г. Кикодзе, — «это сотрапезник, а арифиони — союз подвыпивших людей». **(Смех в зале).**

> «Но мы пьянеем, — писал Кикодзе, — не вином, а взаимным творческим воздействием».

Эта группа по существу мало отличалась от упомянутой выше «академической» группы и так же, как эта последняя, стояла на явно враждебных нам буржуазно-националистических позициях. В статье Г. Кикодзе, опубликованной в первом номере журнала «Арифиони», представлявшей декларацию группы, было написано:

> «...Революция не смогла распространиться за пределы Евразии, она замкнулась в одной шестой части земного шара. Что она противопоставила старой культуре? Электрификацию, индустриализацию, кооперацию... старые боги умерли, критическое мышление уничтожило старые иллюзии, нет возврата к наивному суеверию, но душа опустела и заполнить эту опустевшую душу электрическим током невозможно».

Это был явно контрреволюционный призыв, направленный против советской власти, против нашего социалистического строительства.

В результате успехов социализма, развернутой идейной борьбы против группы «Арифиони», группа самоликвидировалась, и сейчас все основные участники группы стараются активно работать в области советской литературы.

М. Джавахишвили написал неплохой роман о крестьянском революционном движении 30-х годов XIX века «Арсен из Марабды».

Ш. Дадиани написал роман из жизни революционной борьбы крестьян Мегрелии — «Урдум».

Он же написал пьесу, посвященную истории большевизма в Грузии, в период революции 1905 года.

Л. Киачели написал новый роман «Гвади Бигва», в котором поставил перед собой задачу показать, как колхозное строительство ведет крестьянство к новой зажиточной жизни.

И. Мосашвили за последнее время дал ряд хороших стихотворений, посвященных темам социалистического строительства.

Окрепли и выросли за последнее время **кадры пролетарских писателей** —А. Машашвили, К. Лордкипанидзе, К. Каладзе, И. Абашидзе и др. В своих произведениях они показали идейно-творческий рост и по своему мастерству часто не уступают старым квалифицированным писателям.

Особенно быстро за последние годы развилась грузинская **советская поэзия.** Грузинская поэзия обогатилась новыми значительными произведениями.

В первую очередь необходимо отметить произведения, посвященные великому **Сталину.** Образ вождя, как символ всех наших побед, воспевают наши поэты.

Лучшие песни и стихи собраны в недавно вышедшей книге — «Грузинские стихи и песни о **Сталине».**

Особо нужно отметить новую поэму Г. Леонидзе — «Детство и отрочество вождя», написанную с большим поэтическим под'емом.

Достижением грузинской поэзии, безусловно, является стихотворно изложенное грузинскими писателями «Письмо трудящихся Грузии вождю народов великому **Сталину»** к пятнадцатилетию Советской Грузии.

Заслуживает внимания книга грузинских стихов об Испании, проникнутая духом боевого интернационализма и выражающая солидарность грузинского народа с освободительной борьбой трудящихся масс Испании против кровавого фашизма.

Творческих успехов добилась за эти годы и **грузинская советская драматургия.**

За последнее время написан ряд новых пьес.

Драматург С. Шаншиашвили написал пьесу «Арсен», которая, как известно, имела крупный успех. В этой пьесе автор показал героев крестьянского революционного движения, их борьбу против дворянства, самодержавия.

Молодой драматург Г. Мдивани написал пьесу «Альказар» об испанских событиях. При всех своих недостатках пьеса дает волнующие образы революционеров-борцов за освобождение испанского народа.

Пьеса Г. Баазова «Ицка Рижинашвили» касается революции 1905 года и передает один из эпизодов борьбы большевистских организаций в Грузии.

Писатель С. Клдиашвили написал пьесу о новой Колхиде, которая будет поставлена в этом сезоне в театре Руставели.

Критика пока еще является узким местом в грузинской советской литературе. Наши критики слабо выявляют недочеты и ошибки в произведениях наших писателей и не всегда бывают об'ективными: вместо того, чтобы хорошо изучить каждое отдельное произведение и дать серьезную и правдивую критику на основе об'ективного анализа, они очень часто исходят из личных симпатий или антипатий к отдельным писателям, исходят из того, к какой группе они когда-то принадлежали, и руководствуются принципом — «свой» или «противник».

В результате такой работы они далеко недостаточно и несвоевременно выявляют классово враждебные, чуждые идеи в произведениях отдельных писателей.

Несмотря на значительные успехи в деле развития грузинской литературы, наша героическая советская действительность пока еще не нашла в ней достойного художественного, полноценного отражения.

Наша литература должна быть народной, выражать передовые идеи человечества — идеи партии ЛЕНИНА—СТАЛИНА.

Союз писателей имеет ряд крупных недостатков и недостаточно руководит творческим процессом писателей. Не развернута самокритика среди писателей.

Надо организовать борьбу за повышение идейно-политического уровня наших писателей, борьбу за овладение большевизмом. Борьба за овладение большевизмом должна стоять в центре работы всей писательской организации.

Как вы видели, подавляющее большинство грузинских писателей и поэтов, которые в прошлом были настроены антисоветски, группировали вокруг себя недовольных, — сейчас активно работают над советской тематикой.

Многие из них, как я уже говорил, дали хорошие произведения, часть которых переведена на языки народов Советского Союза.

Но есть в среде грузинских писателей и работников искусства отдельные лица, которым следует пересмотреть свои связи с врагами грузинского народа Агниашвили, Ломинадзе, Джикия, Элиава и другими, серьезно подумать над этим и сделать для себя все необходимые выводы, так как никому не позволим двурушничать, обманывать грузинский народ и, прикрываясь высоким званием советского писателя или художника, делать свое черное дело вместе с врагами народа.

Например, Павле Яшвили, которому уже за 40 лет, пора взяться за ум.

До добра не доведет гарцование его от Ломинадзе к Джикия, от Джикия к Агниашвили, от Гогоберидзе к Ломинадзе и, наконец, в лапы Элиава.

Серьезно подумать над своим поведением не мешало бы также Гамсахурдия, Джавахишвили, Мицишвили, Шеварднадзе и еще кое-кому.

Советский писатель должен быть человеком, прежде всего, преданным советской власти, социалистической родине, партии ЛЕНИНА—СТАЛИНА, он должен любить советский народ, свою советскую родину, глубоко верить в ее силу и мощь. Он должен быть искренним и правдивым в своих произведениях, он должен укреплять, расширять свои связи с широкими слоями трудящихся.

Перечисленные мною писатели должны знать, что от их дальнейшего поведения, от того, как быстро они перестроятся и осудят свои прошлые дела и связи, зависит отношение к ним нашей партии и советской власти.

ГОЛОСА С МЕСТА: Правильно!

БЕРИЯ: Заметных успехов достигли наше театральное и кино-искусство.

Известно, что **театр имени Руставели** рядом своих бесспорно удачных постановок («Анзор», «Ин-тиранос», «Разлом») вышел в ряды передовых театров. Однако, в творчестве этого театра с самого же начала наметились противоречивые тенденции, приведшие его к глубоким идейно-художественным провалам («Тетнульд», «Ламара», «Шлеги»), и театр очутился перед лицом острого идеологического и художественного кризиса.

Во главе театра стоял Ахметели, оказавшийся фашистом и вредителем, группировавший вокруг себя антисоветски настроенные элементы. В театре господствовала недопустимая атмосфера: зажим самокритики, голое администрирование, корпоративная замкнутость, отрыв от общественности и т. д.

Постановлением ЦК КП(б) Грузии как Ахметели, так и его группа были сняты и руководство театра было укреплено.

После смены руководства, большим достижением театра явились постановки «Арсен», «Альказар», «Осенние дворяне».

Как вам известно, театр награжден орденом **Ленина,** награждены орденами 10 артистов этого театра и тт. Хорава и Васадзе присвоено звание народных артистов СССР.

Хорошо работает и театр имени Марджанишвили, давший после проведенных по театру мероприятий ряд ценных постановок. Не плохо работают русский театр имени Грибоедова, Гостеатр армянской драмы, тюркский театр, а также детские театры.

ЦК провел также мероприятия по улучшению работы районных театров.

В 1936 году закончилось строительство новых театральных зданий в Поти и в Ланчхути, в этом году строятся Кутаисский и Горийский театры.

Большая работа ЦК КП(б) Грузии была проведена по подготовке **декады грузинского искусства в** Москве. Мы при этом исходили из необходимости использования процесса подготовки декады для перестройки всей творческой и организационной работы всех музыкальных учреждений и, в первую очередь, оперного театра.

Грузинская музыкальная культура в целом, наши оперные постановки в Москве получили высокую оценку.

Успех декады грузинского искусства в Москве вызвал огромный интерес к грузинским операм. Оперы «Абесалом и Этери» и «Даиси» в настоящее время включены в репертуар оперных театров союзных республик и Большого театра Союза ССР.

Огромный успех выпал и на долю народного творчества. Газета «Правда» от 9 января 1937 года писала:

> «Пусть простят нам ученые исследователи античности, — хоровое искусство грузинского народа богаче или, во всяком случае, не уступает античному!.. На лучших образцах грузинской народной музыки должны учиться все наши композиторы и исполнители».

Участники декады (около 800 человек) были окружены вниманием и заботой со стороны руководителей партии и правительства, со стороны широкой общественности столицы Советского Союза.

Исключительное внимание и заботу оказывал участникам декады вождь партии товарищ **Сталин. (Бурные аплодисменты).**

Партия и правительство наградили Театр оперы и балета орденом Ленина, а работников театра и этнографических хоров — орденами, ценными подарками и деньгами.

Таким образом, мы имеем сейчас два театра, награжденных орденом ЛЕНИНА, и 68 работников искусства, награжденных орденами.

Высокая награда накладывает большие обязательства на всех работников искусства, которые, не зазнаваясь, со всей энергией должны взяться за создание новых, достойных нашей великой эпохи произведений искусства.

За отчетный период **грузинская кинематография** дала полноценные художественные фильмы: «Последний маскарад» и «Арсен» — режиссера Чиаурели, «Золотистая долина» — режиссера Шенгелая, «Дарико» и «Последние крестоносцы» — режиссера Долидзе, «До скорого свидания» — режиссера Макарова, «Приданое Жужуны» — режиссера Палавандишвили, «Крылатый маляр» — режиссера Эсакия, «Каджети» — режиссера Микаберидзе, «15 победных лет» — режиссера Митрофанова и др.

Необходимо, чтобы кинематография Грузии больше занялась производством картин, отображающих нашу социалистическую действительность, жизнь и борьбу стахановцев промышленности и колхозных полей.

Большим недостатком в работе Госкинпрома является чрезмерно высокая себестоимость картин, как результат плохой производственной работы не только студии, но и режиссеров, и, наконец, неудовлетворительная работа с драматургами, писателями в деле создания высокохудожественных сценариев.

В 1936 году построены и пущены в эксплоатацию кинотеатры: в Гори на 350 мест и Аспиндзе — на 200 мест.

В 1937 году будут закончены стройкой и пущены в эксплоатацию кинотеатры: в Чиатуре — на 600 мест, Махарадзе и Лагодехи — на 350 мест, Ланчхути — на 300 мест, Ленингори — на 250 мест, Адигени — на 200 мест.

В Тбилиси строится большой кинотеатр на 1.200 мест.

За отсутствием времени я не имею возможности остановиться подробно на вопросах **изобразительного искусства и архитектуры.**

Должен отметить только, что организованная в прошлом году выставка картин художников Грузии на тему «Об истории большевистских организаций Грузии и Закавказья», а также ряд проведенных конкурсов на составление архитектурных проектов строящихся зданий и планировки городов Грузии показали творческий рост наших художников и архитекторов.

Однако, и тем и другим надо еще много работать, чтобы стать подлинными мастерами своего дела.

Мы уверены, что работники искусства и литературы сделают все для того, чтобы оправдать свои обязательства, данные ими руководителям партии и правительства и любимому вождю товарищу Сталину.

НАГРАЖДЕННЫЕ ПОЭТЫ УЗБЕКИСТАНА

В числе участников декады узбекского искусства в Москве, награжденных Совнаркомом СССР ценными подарками, значатся также поэты **Ильбек, Хамид Алимандманов и Уйгун,** произведения которых исполнялись во время декады.

Ильбек и Уйгун — авторы двух песен о Сталине (музыка композиторов Садыкова и Ашрафи); эти песни исполняли все участники декады в сопровождении симфонического оркестра.

Хамиду Алиманджанову принадлежат стихи о Сталине — «Солнце счастья». Их читала заслуженная артистка УзССР Сара Ишантураева.

Из награжденных поэтов самым старым является Ильбек — один из первых дореволюционных писателей, перешедших на позиции пролетариата, делу которого он честно служит как художник слова и сын узбекского народа. Им написано десять сборников стихов, переведены сказки Пушкина «Золотой петушок», «О рыбаке и рыбке» и «О мертвой царевне и семи богатырях».

Ильбек на протяжении многих лет ведет непрерывную работу по собиранию узбекского фольклора. Собранные им народные песни неоднократно переиздавались. Много внимания уделяет он повышению культуры и обогащению узбекского языка.

К двадцатой годовщине Великой социалистической революции поэт пишет поэму о дореволюционной жизни Узбекистана.

Хамид Алиманджанов и Уйгун принадлежат к советскому поколению узбекских поэтов.

Несмотря на свою молодость, Хамид Алиманджанов с 1929 по 1937 г. написал шесть книг стихов. Совместно с т. Уйгуном он ведет большую работу по изучению истории узбекской литературы.

Алиманджанов перевел на узбекский язык «Кавказского пленника» и «Русалку» Пушкина, а также «Как закалялась сталь» Ник. Островского.

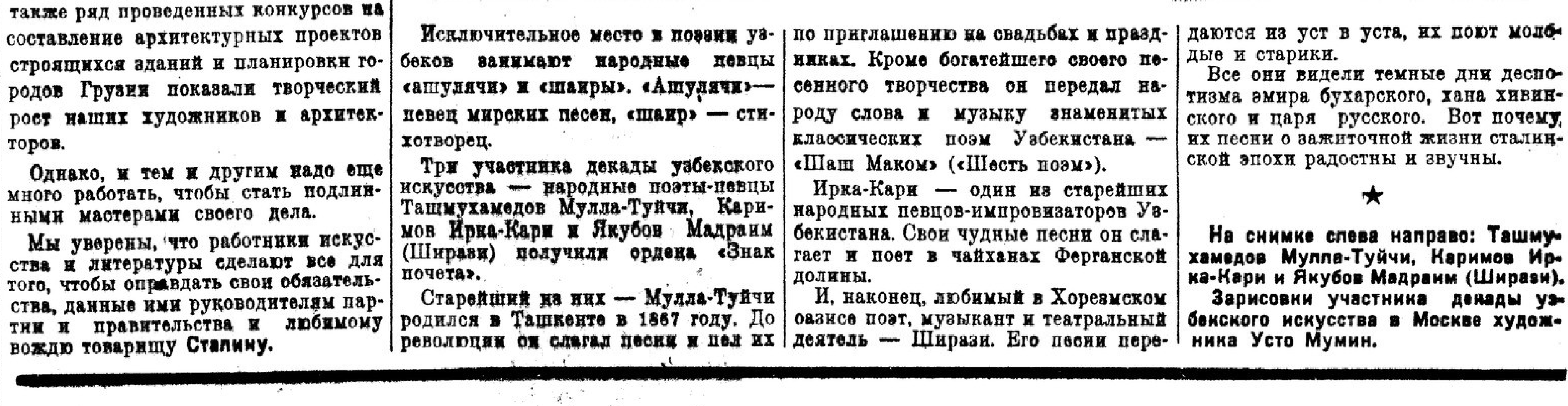
Уйгун начал писать в 1926 г. Им выпущено четыре сборника.

В настоящее время поэт совместно с Алиманджановым заканчивает работу по истории узбекской литературы. Задумал он также написать роман о раскрепощении узбекской трудящейся женщины.

★

На снимке слева направо: Нугманов (Яшин), Камил — драматург, автор музыкальной пьесы «Гюльсара», награжден орденом «Знак почета»; поэты Юнусов Ильбек, Атакузиев Уйгун и Алиманджанов Хамид.

ОРДЕНОНОСЦЫ «АШУЛЯЧИ» И «ШАИРЫ»



Исключительное место в поэзии узбеков занимают народные певцы «ашулячи» и «шаиры». «Ашулячи»— певец мирских песен, «шаир» — стихотворец.

Три участника декады узбекского искусства — народные поэты-певцы Ташмухамедов Мулла-Туйчи, Каримов Ирка-Кари и Якубов Мадраим (Ширази) получили ордена «Знак почета».

Старейший из них — Мулла-Туйчи родился в Ташкенте в 1867 году. До революции он слагал песни и пел их по приглашению на свадьбах и праздниках. Кроме богатейшего своего песенного творчества он передал народу слова и музыку знаменитых классических поэм Узбекистана — «Шаш Маком» («Шесть поэм»).

Ирка-Кари — один из старейших народных певцов-импровизаторов Узбекистана. Свои чудные песни он слагает и поет в чайханах Ферганской долины.

И, наконец, любимый в Хорезмском оазисе поэт, музыкант и театральный деятель — Ширази. Его песни передаются из уст в уста, их поют молодые и старики.

Все они видели темные дни деспотизма эмира бухарского, хана хивинского и царя русского. Вот почему их песни о зажиточной жизни сталинской эпохи радостны и звучны.

★

На снимке слева направо: Ташмухамедов Мулла-Туйчи, Каримов Ирка-Кари и Якубов Мадраим (Ширази).

Зарисовки участника декады узбекского искусства в Москве художника Усто Мумин.

Нужны ли областные отделения Союза писателей?

В порядке обсуждения

У нас существует несколько десятков областных отделений союза писателей. Они об'единяют двести членов и кандидатов ССП. Областные отделения расходуют огромные государственные средства (не менее одного—полутора миллионов рублей) на помощь молодым писателям. Не могут наши писатели, даже молодые, начинающие, пожаловаться на отсутствие материальной помощи. Все безусловно талантливое, одаренное пользуется в нашей стране исключительным вниманием и заботой.

Однако мы наталкиваемся здесь на совершенно неожиданное явление.

За последние два года из многочисленного писательского коллектива, **живущего на периферии, выдвинулось** всего лишь два-три человека. При огромных затратах — такие ничтожные результаты!

Мне кажется, что причина этого кроется в том, что мы слишком рано даем молодому автору почетное звание писателя, окружаем его тепличной обстановкой и этим самым тормозим его творческий рост. Молодой человек, написавший пару рассказов или десяток стихов, становится членом ССП, — о нем пишут в местных газетах, областные отделения устраивают его вечера, дают ссуды, творческие отпуска, путевки.

Не пройдет и года, как избалованный, заласканный «талант» бросает работу, службу, становится «профессионалом-литератором», смотрит на себя, как на «особо одаренную личность», иногда начинает пить, хулиганить и превращается в бездельника, живущего на государственные средства.

Калечение литературного молодняка являлось одной из форм троцкистско-авербаховского вредительства. Сколько юных пареньков, «выдвинутых» рапповцами с производства в литературу, оказалось оторванными от жизни, от действительности, от народа.

Сколько оказалось загубленных молодых дарований, искусственно поднятых до звания настоящих писателей и брошенных на полдороге к подлинной литературе. Развращенные легким литературным заработком и званием «областных писателей», эти пареньки ходят сейчас, как «забытые гении», не желая ни учиться, ни работать.

Устав Союза советских писателей говорит, что членами союза могут быть люди, книги которых имеют «самостоятельное художественное или научное (критические работы) значение».

Но общеизвестно, с какими огромными скидками «на молодость» принимались в члены союза товарищи, живущие на местах.

Возьмем к примеру Куйбышевское областное отделение. Там членами ССП состоят люди (Саватеев, Морозов, Возняк, Бритов), которые в течение семи лет не написали ничего, что дало бы им возможность достойно носить звание члена Союза советских писателей. Бритов был принят в союз только потому, что заведывал областным издательством. Факт анекдотический!

В Горьком членами союза числится добрый десяток людей, произведения которых не имеют самостоятельной художественной ценности.

Много «липовых» членов союза в Иванове, Новосибирске, Челябинске, Свердловске и других областных и краевых организациях.

Но эти «мертвые души» в творчестве становятся чрезвычайно активными, когда дело коснется вопросов личного благополучия. Неоперившиеся литературные птенцы, а также «матерые литературоделы» (есть на периферии такая категория лиц, которые десятки лет что-то пишут, но нигде не печатают) требуют помощи, спекулируя членской книжкой писателя.

Пора провести решительную чистку среди членов и кандидатов союза. Нужно избавиться от мертвых душ в литературе, ничего общего с ней не имеющих.

Областные отделения обслуживают людей, которые еще не имеют достаточных оснований считать себя подлинными советскими писателями.

Возьмем Кировское областное отделение союза писателей.

Смею утверждать, что наше отделение является типичным для всех областных писательских организаций, ибо наши недостатки характерны для всех областных организаций.

Мы об'единяем так называемый литературный актив, в котором 20—30 человек (из них по-настоящему занимаются литературой 3 человека). В этом литературном «активе» имеется несколько категорий «писателей», которые являются типичными для всех областных организаций.

Вот писатель А. Мильчаков. В течение десяти лет он написал одну вещь. Работоспособность ничтожная, но Мильчаков философствует: «погодите, наступит мое время, я напишу, я такое напишу — ахнете!» Но пока он ничего не пишет.

Вот поэт В. Колобов. Он — «ударник», призванный рапповцами в литературу. Человек огромного самомнения и самовлюбленности. Производство Колобов бросил, считает себя законченным поэтом, критики своих стихов не любит и ни с какими замечаниями не считается.

Все его поведение — это поведение человека, жаждущего славы, которая придет сама собою. Колобов очень небрежно работает над своими стихами. Зато он большой любитель ссуд и творческих отпусков. Он уже получил 1500 рублей, хотя еще ничем не оправдал этой помощи.

Вот драматург Д. Шевнин. Этот пишет уже 15 лет. Даже справил по собственной инициативе юбилей своей литературной деятельности. Время от времени он сообщает, что его пьеса принята к постановке в московских театрах. Это оказывается ложью, но он настолько увлекается своей выдумкой, что начинает верить в нее.

Эти люди разговаривают о литературе, строят бесконечные планы, которых не осуществляют, мечтают о славе, завидуют известным писателям и страшно любят авансы и ссуды.

Кировская организация ССП издержала за год 10.000 рублей на творческие отпуска и ссуды.

Но литературные результаты не оправдали этих расходов. Все товарищи считают отпуска, как нечто законное, данное им по праву за какие-то заслуги, а не как аванс под их будущие произведения.

Творческие отпуска вообще странная вещь.

Какое право имеет писатель получать от государства деньги на произведения, за которые ему заплатят гонорар? Творческие отпуска не мобилизуют на труд, а создают атмосферу беспечности и прихлебательства. Много ли писатели создали высокохудожественных произведений, когда они проживали в домах творчества за счет Литфонда? А ведь некоторые живут на содержании Литфонда почти круглый год.

Если союз писателей тщательно просмотрит состав своих членов и кандидатов, то обнаружит, что в областных и краевых центрах подлинных литераторов — пять-шесть человек.

Естественно, возникает вопрос — нужны ли областные отделения для пяти-шести писателей? Нельзя ли обслуживание этих людей осуществлять с меньшими затратами и большей пользой?

По-моему, областные отделения нужно ликвидировать, а взамен их создать альманахи. Альманахи должны об'единить вокруг себя всех творческих людей, как членов, так и нечленов союза.

Альманахи явятся для всех молодых авторов живой, связующей, творческой нитью. Только по написанному и принятому в альманах произведению можно и нужно судить о ценности молодого писателя. Никаких ссуд, отпусков, путевок и командировок альманахи давать не должны. Пусть это делает Литфонд и пусть их получают не просто нуждающиеся (среди которых много халтурщиков и прихлебателей), а только достойные помощи.

Это мероприятие сразу избавит нас от балласта, от «мертвых душ».

Для творческой связи на местах можно выделить уполномоченных (членов союза), которые будут осуществлять эту связь в порядке общественной работы.

Это будет и государству дешевле, и писателям полезнее.

И еще один вопрос — о новых членах и кандидатах. Сейчас новые члены и кандидаты принимаются по рекомендации областных отделений. Союз фактически только «производит в чин», часто доверяя областным отделениям. Это неправильно.

Нужно, чтобы правление союза непосредственно принимало новых товарищей, вызывая их в Москву, проверяя их творчество, общественное положение, проверяя их, как подлинно советских людей, достойных звания членов союза.

Здесь нужна большевистская бдительность, та самая, которой нам часто недостает. Ведь не случайно, что из-за недостатка бдительности во многих областных и краевых отделениях (Ростов-на-Дону, Свердловск и др.) действовали враги народа.

АНДРЕЙ АЛДАН.

Ответственный секретарь Кировского областного отделения ССП

От редакции: По сведениям, полученным нами, правление ССП уже ликвидировало несколько правлений областных отделений союза, заменив их уполномоченными.

Неопубликованный отрывок Пушкина из истории Петра I

Публикуемый ниже отрывок Пушкина из его предварительных набросков к истории Петра I печатается впервые; он представляет собою сжатое изложение исторических событий, связанных с деятельностью Петра в 1697 г.

Пушкин составлял свои конспекты по «Деяниям Петра Великого» И. И. Голикова. Для 1697 г. он взял тот же источник, использовав по первому тому «Деяний Петра Великого» (издания 1788 г.) страницы 284—316.

Впрочем не все сведения, изложенные в публикуемой тетради, имеются у Голикова,— в двух случаях Пушкин привлек и другие книги: 1) рассказ о том, что Петр, не дождавшись, сам приехал в дом Соковнина и дал пощечины заговорщику и опоздавшему Лопухину, заимствован из книги анекдотов Штелина,—анекдот № 5. Книга сохранилась в библиотеке Пушкина: «Подлинные анекдоты о Петре Великом, собранные Я. Штелиным», часть I. М., 1830, стр. 32—33. 2) Другой использованный Пушкиным сверх Голикова книгой является «Собрание разных записок и сочинений, служащих к доставлению полного сведения о жизни и деяниях Петра Великого», изданное Ф. Туманским, ч. 5; отсюда Пушкиным взяты сведения о заговоре Соковнина и Цыклера.

Собрание бумаг, опубликованных Туманским, также сохранилось в библиотеке Пушкина. Когда рассказ Голикова вызывал сомнение, Пушкин проставлял в скобках знаки вопроса и другие пометы с целью восполнить или уточнить приводимые данные. Скобки Пушкина воспроизводятся в виде обычных круглых скобок, квадратные скобки замыкают дополнения редактора, вставляемые для удобства чтения. Черновики к незаконченной поэтом истории Петра I относятся к 1835 г.

Наброски эти не были напечатаны после смерти Пушкина; их просматривал Николай I и не допустил их к опубликованию «по причине многих неприличных выражений на счет Петра Великого», как сформулировал это мнение Николая I В. А. Жуковский.

В царское время рукописи Пушкина затерялись и считались утраченными. Выявлены они были в начале революции и будут впервые целиком опубликованы под редакцией пишущего эти строки в X томе академического издания Пушкина, выпускаемого в связи с столетием со дня смерти поэта. Печатаемый ниже отрывок является продолжением моей публикации в «Известиях ЦИК» от 9 февраля нынешнего года.

ПАВЕЛ ПОПОВ.

1697

Окольничий Алексей Соковнин, стольник Федор Пушкин и стрелецкий полковник Цыклер сговорились убить государя на пожаре 22 янв. 1697 [года].

Иные писатели утверждают, что жена Федора Пушкина донесла на мужа своего государю, но по делу видно, что доносителями были два стрельца: пятисоцкий Ларион Елизаров и пятидесятник Григорий Силин.

В истории Менщикова сказано, что некоторые из заговорщиков вельможи приближились к нему, стараясь и его привлечь на свою сторону: что таким образом узнал он о заговоре, и донес о том государю. **(Невероятно.)**

Петр приказал гвардии капитану Лопухину в назначенный час быть с командою в **такой-то** дом (к Соковнину?), а сам, не дождавшись, приехал туда же с одним деньщиком. (Здесь произошел славный случай: пора? — **нет, не пора!** и две пощечины, одна — заговорщику, другая — вошедшему Лопухину.) Заговорщики захвачены были в Преображенске и казнены четвертованием 5 марта.

Петр во время суда занемог горячкою; многочисленные друзья и родственники преступников хотели воспользоваться положением государя для испрошения им помилования. (9 челов.)

Но Петр был не преклонен; слабым, умирающим голосом отказал он просьбе и сказал: надеюсь более угодить богу правосудием, нежели потворством.

При сем случае Голиков рассказывает анекдот о царском лекаре Тирмонде, в запальчивости убившем слугу своего и прощенном у государя с условием тем, чтоб он **утешил** и обеспечил жену и детей убитого.

Петр поручил правление государства боярам кн. Ромодановскому и Тихону Никитичу Стрешневу, придав к ним в помощь бояр: Льва Кирилловича Нарышкина, князя Голицына (?) и князя Прозоровского. —

Князю Ромодановскому дан титул кесаря и величества, и Петр относился к нему, как подданный к государю. Преображенский и Семеновский полк, с несколькими другими (?) отданы под начальство боярина Шеина и Гордона. Учредив таким образом правление, Петр отправился путешествовать.

Назначено было Петром посольство в Европу. Главной особою был генерал Франц Яковлевич Лефорт, тайный советник Федор Алексеевич Головин и статский секретарь (думный дьяк) Прокофий Богданович Возницын. При них 4 секретаря; 40 господских детей знатных родов (в том числе и Менщиков) и 70 выборных солдат гвардии с их офицерами, всего 270 человек. Петр скрылся между дворянами посольства. Посольство отправилось из Москвы 9 марта 1697 [года].

Путь лежал через Лифляндию, принадлежавшую тогда Швеции. Королю дано было предварительное известие о путешествии (через шведского резидента Киппер Крона) государя с требованием безопасного проезда без церемоний, подобаемых его сану.

Шведский двор принял слова сии в буквальном смысле и, когда посольство вступило в Шведские владения, то оное принято было простым дворянином, присланным ген. губернатором русским Дальбергом. По дороге не было ни малейшего наряду, так что посольство принуждено было всё нужное доставать с трудом и за большие деньги. Шведский же дворянин имел за посольством присмотр и содержал его как бы под честным караулом (следовательно был военный отряд?). На замечание недовольных послов он отвечал, что поступает по приказанию начальства.

По приезде в Ригу губернатор не встретил посольства, не отвел квартир — и оно принуждено было нанять себе квартиры в предместии; были около их расставлены караулы, умножены дозоры, учреждены разъезды. Послы от себя отправили губернатору жалобы и просили, чтобы с ними поступали по древнему обычаю, но губернатор под видом болезни извинялся, что не посетил послов, принял посланного в постеле, а для покупок позволил в крепость входить только 6 человекам вдруг, и то под присмотром военных людей и с тем, чтобы они к валам и к укреплениям близко не подходили. Послы вторично требовали объяснения столь неприличным и грубым подозрениям о знатнейших особах государства. На сие губернатор отвечал прямо, что подозрения его имеют многие основательные причины, ибо получено уведомление, что под видом посольства скрывается **тайное намерение.** За сим обидные поступки губернатора усилились. Русских останавливали у мостов, осматривали, приста[вляли] к каждому по два человека с ружьями. Более двух часов не дозволялось им оставаться в городе. Однажды Петр поехал осматривать голландские корабли, с намерением нанять один из них для переезда, а как дорога шла около контраскарпа, то расставленные на валу часовые закричали ему, чтоб он мимо крепости не ездил и хотели в него стрелять. Им отвечали, чтоб они показали другую дорогу, другой не было, и государя наконец пропустили. Губернатор жаловался, говоря, что люди русские, идучи мимо крепости, снимали с нее чертеж и грозился, что в подобном случае впредь прикажет по ним стрелять. — В это время известили Петра, что губернатор намерен его задержать и что уже заказано * никого из русских за реку не перевозить. Петр, оставя посольство, нанял за 60 черв. два малые бота и тайно выехал в опасное время оттепели в Курляндию и в Митаве дождался своего посольства, которое и было с великою честию принято.

Феофан пишет, что когда **из** Курляндии послан был курьер Суровцев, то был он 3 дня задержан губернатором, который, расспросив его, обобрал, обругал и едва отпустил.

Посольство из Курляндии намеревалось отправиться морем в Голландию, но Любавские жители представляли об опасности плавания, по причине французских каперов. Но Петр не утерпел и [с] 6 особами, сев на корабль, уехал тайно в Кенигсберг, где имел свидание с Бранденбургским курфирстом Фридериком I (incognito).

Послы не знали, куда девался государь; наконец известились, что он в Кенигсберге, и отправились туда же. Их приняли с пушечной пальбою, дана им аудиенция. Послы одеты были в русское платье с бриллиантовым гербом на шапках; послы от имени Петра благодарили курфирста за присланных инженеров, уверяли его в высокопочитании и искренней приязни царя. Курфирст слушал, стоя без шляпы, и спросил их о здравии государя (стоявшего от него в нескольких шагах). Послы отвечали, что оставили его в Москве в добром здравии. Потом послы вручили царскую грамоту, поднесли дары и торжественно были отпущены.

13 мая была конференция. Ввечеру сожжен фейерверк — с вензелем царя и с гербом России, транспарант представлял взятие Азова. Петр под именем оберкомандира (он имел тогда чин десятника, см. Журнал Петра Великого) посещал часто курфирста и имел с ним откровенные разговоры; он обучался артиллерии. Записывал все достопамятное в свою дневную записную книжку; разговаривал с ремесленниками и с профессорами etc.

Между тем послы протестовали о обидах Рижского губернатора.

22 мая послы имели прощальную аудиенцию и, отужинав в Фридрихсгаме, отправились в Амстердам через Бранденбургские, Люнебургские и Вестфальские владения.

* Переделано из: запрещено.

В Берлине Петр остановился и занимался там артиллерией и получил атестат. Посольство везде принято было с честию. Но в Гановере был недоволен приемом. Петр зато никогда не любил бывшего курфирста, а в последствии Английского короля Георгия I.

Во время сего путешествия государь однажды в пьянстве выхватил шпагу противу Лефорта и просил потом у него прощения.

Петр выходил часто из коляски, обращая свое внимание на земледелие, срисовывал незнакомые орудия, расспрашивал и записывал.

В Любеке и в Гамбурге начальники городов (бургомистры) старались угостить и угодить посольству, выгадывая пользу себе в торговле с Архангельском. — Но государь спешил в Голландию. Он отправил наперед известительную грамоту к Штатам, а сам, оставя посольство, [с] 7 из своих дворян отправился по почте в Амстердам, и прибыл туда 14 дней прежде посольства.

Приехав нарядился он со своею свитою в матросское платье и отправился в Сардам на ботике; не доезжая увидел он в лодке рыбака, некогда бывшего корабельным плотником в Воронеже; Петр назвал его по имени и объявил, что намерен остановиться в его доме. Петр вышел на берег с веревкою в руках и не обратил на себя внимания. На другой день одевся он в рабочее платье, в красную байковую куртку и холстинные шаровары и смешался с прочими работниками. Рыбак, по приказанию Петра, никому не об'явил о его настоящем имени, Петр жил уже по голландски, так что никто не замечал, или не захотел дать вид, будто его замечает. Петр упражнялся с утра до ночи в строении корабельном. Он купил буер и сделал на нем мачту (что было его изобретением), разъезжал из Амстердама в Сардам и обратно, правя сам рулем, между тем как дворяне его исправляли должность матросскую. Иногда ходил закупать припасы на обед и в отсутствии хозяйки сам готовил кушание. Он сделал себе кровать из своих рук и записался в цех плотников под именем Петра Михайлова. Корабельные мастера звали его **Piter Bas**, и сие название, напоминавшее ему деятельную, веселую и странную его молодость, сохранил он во всю жизнь.

Петр жил в Сардаме **полтора месяца**; после переехал он в Амстердам и, наняв близ Адмиралтейства домик, жил в нем под именем корабельного мастера. Тут заложил он собственными руками 60-ти пушечный корабль и ежедневно ходил на работу с топором за поясом. «Мы, последуя слову божию **(писал он к патриарху от 10 сен.)**, бывшему к праотцу Адаму, трудимся; что чиним не от нужды, но доброго ради приобретения морского пути, дабы искусяся совершенно могли возвратиться и противу врагов имени Иисуса Христа победителями благодатию его быть». —

Народ знал его и всегда толпился около него. Петр однажды в Сардаме оттолкнул мальчика, который бросил в него гнилым яблоком, что Петр перенес терпеливо.

15 сентября посольство въехало в Гагу. Петр соединился в ним за 2 версты от города. Встречены были послы **двумя из генеральных штатов;** 50 карет, запряженных цугами, ожидали их. Петр сел в одну из них с молодым кн. Голицыным. Въезд был встречен пушечной пальбой. Народ провождал послов до самого их дома. Председатель с 7 генер. штатами прибыл в 6 каретах для поздравления. Послы встретили их у крыльца — председатель угощал их столом. 16-го приехал г. Витсен, бургмистр Амстердамский с двумя штатами и также угощал, что и продолжалось до дня аудиенции.

Аудиенция происходила таким образом: послы в русских платьях ехали в великолепной карете, перед которой шли 10 пажей и 25 лакеев. Дворяне посольства ехали в след по два человека в карете. Петр сидел опять с князем Голицыным в самой последней. При въезде на двор (?) караул отдал честь при барабанном бое и музыке. Два штата приняли послов у крыльца. 37 сидевших за столом в аудиенц-зале ген. штатов встали при входе послов и посадили их за свой стол, а дворяне стали за их креслами. Послы говорили речи, а Возницын подал грамоту. По прочтении грамоты послы поднесли в дар штатам 600 соболей и провожены обратно двумя-же штатами. В тот-же день все штаты посетили послов; и послы наши были у штатгалтера.

Министры иностранных дворов, бывшие в то время в **Ризвике** на конгрессе, съехались в Гагу из любопытства и посетили наших послов. Один французский министр не приехал. Двор его досадовал на Петра за предпочтение Августа перед принцем Конти в деле о Польской короне.

Когда после взаимных визитов послы наши отправились домой из театра, то провожаемы были гвардией штатгалтерной и двадцатью факелами.

Петр на другой день отправился в Лейден, где осмотрел университет и анатомический театр. Профессора поднесли ему описание оному на латинском языке. Возвратясь в Гагу, Петр ездил с Лефортом в карете, заплаченной 1800 червонцев, со всею свитою в загородные сады, при стечении многочисленного народа. 28 октября праздник, фейерверк и иллюминация.

Петр потом ездил в Амстердам, где осмотрел Кунст-Камеру, математические инструменты и минц-кабинеты, звериные и птичьи дворы (ménageries), церкви, между коими полюбилась ему квакерская; в синагоге видел обрезание младенца; посетил он и зазорные дома (бардели с их салами), видел 20 сиротских домов, дом сумашедших, собрание ученых; слушал их диспуты. В главном трактире обедал со своим посольством. (За столом сидело 32 чел. и за стол заплачено 207 ефимков.) Наконец Амстердамские чины дали морское примерное сражение. После того государь был в Ротердаме, где заметил он статую Эразма, в Лейдене и Дельфе и возвратился в Гагу, где снова принялся за корабельное строение, посещая меж тем фабрики, на коих делались якори, канаты etc., везде принимаясь сам за работу. На бумажной фабрике, осмотрев и исследовав раствор, он сам вычерпнул лист бумаги, который все мастера нашли удивительно тонким и чистым. Государь обучался анатомии, хирургии, инженерству, географии, физике, etc. Получив известие, что в Польше произошли смятения в пользу принца Конти, Петр из плотнического сарая послал повеления войску своему двинуться на помочь Августу.

В то же время получил он известие от Шеина, который 1 августа разбил соединенных турков и татар, шедших противу Азова. Калга-Салтан предводительствовал Крымскими, Нотайскими, Черкесскими и Кубанскими ордами, был прогнан до Кагальника. Сражение продолжалось 11 часов. Русские взяли город Кубань. Татаре через Шефкала и Аюку-Хана просили дозволения ночевать у какой-нибудь реки, обещаясь в случае нужды служить России и выставить до 100 000. Татарский флот, состоящий из множества гальотов и **саек,** подходил к Азову, но с уроном также был прогнан.

Корабль Петра был готов. Царь, наименовав Петр- и Павел, отправил его в Архангельск. Сей корабль был первый из российских, явившихся в Белом море. В Сардаме государь полюбил матроса по имени Мус (Mousse?) и, взяв его в Россию, определил шкипером на одном военном корабле. Под его ведомством Петр прошел все степени морской нижней службы, начиная с должности **каютного хлопца.** (См. Голик. Ч. I—313).

В Амстердаме государь часто беседовал с бургомистром Витсеном, который и посвятил ему изданную им географическую карту Северо-восточной Татарии. Витсен однажды просил Амстердамским жидам позволения вселиться в Россию и заводить там свою торговлю. «Друг мой Витсен, отвечал государь, ты знаешь своих жидов, а я своих русских; твои не уживутся с моими; русский обманет всякого жида».

Карты Менгдена и Брюса были тогда напечатаны на голландском языке у Иоганна Тесинга.

Послы протестовали перед Республикой об обидах Далберга. А бывший там Шведский посланник барон Рот уверял, что от Шведского короля получат они удовольствие. Но того не исполнено.

Петр, узнав, что морская архитектура в Англии более усовершенствована, чем в Голландии (см. Голик., стр. 315) повелел посольству иметь прощальную аудиенцию. Послы получили: Лефорт золотую цепь с голландским гербом в 10 фунтов, Головин в 8, Возницын в $5\frac{1}{2}$ и все прочие — цепи в 120 червонных.

А. С. Пушкин — рис. худ. **Ульянова** (Всесоюзная Пушкинская выставка).

Искажение Пушкина

Пушкинист **В. Вересаев** задался целью раз'яснить сущность пушкинской трагедии **«Каменный гость».** Для этого он написал статью, озаглавленную **«Второклассный Дон-Жуан».** Статью напечатали в пушкинском номере журнала **«Красная новь»,** вышедшем с очень большим опозданием.

Что же доказывает здесь В. Вересаев? Рассматривая либретто оперы Моцарта «Дон-Жуан», В. Вересаев находит, что образ Дон-Жуана в этой опере вырастает «до размеров титана, достойного стать рядом с героями античной трагедии». Не то у Пушкина. Пушкин, по мнению В. Вересаева, предельно снизил этот образ по сравнению с его трактовкой во всей мировой литературе.

В. Вересаев приводит заключительную сцену «Каменного гостя»:

«Входит статуя командора, Донна Анна падает.

Статуя. Я на зов явился.

Дон Гуан. О боже! Донна Анна!

Статуя. Брось ее.

Все кончено. Дрожишь ты, Дон Гуан?

Дон Гуан. Я? Нет, я звал тебя и рад, что вижу.

Статуя. Дай руку.

Дон Гуан. Вот она... О тяжело.

Пожатье каменной его десницы!

Оставь меня, пусти-пусти мне руку—

Я гибну — кончено о, Донна Анна!

Проваливаются.

В этом финале полностью раскрывается мужественный облик пушкинского Дон Гуана. Перед нами образ смелого, полного жизни человека, бесстрашного перед лицом самой смерти. Читателя и особенно зрителя пушкинской трагедии не может не волновать необычайная сила этого человека, наказанного за свои пороки, но погибающего с именем возлюбленной на устах.

В немногих гениальных строчках Пушкиным переданы все те черты образа Дон Гуана, которые растянуты на целую страницу в приводимом В. Вересаевым либретто моцартовской оперы.

Но вот как «раз'ясняет» В. Вересаев финал «Каменного гостя»:

«Пришел командор, взял Дон Гуана за шиворот, как напакостившего щенка. И щенок, визжа от испуга, кувырком полетел в преисподнюю».

В. Вересаев находит конец пушкинского Дон Гуана «смехотворно жалким». В чем же дело? Откуда этот более чем парадоксальный вывод?

В. Вересаев пытается доказать, что эта «сниженная» трактовка Дон Гуана будто бы вытекает из общего характера поэзии Пушкина.

Для этого он настойчиво подчеркивает, что «Пушкин в существе своем был далеко не так ясен, гармоничен и жизнерадостен, как его обычно изображают». (Любопытно, что в этом же номере «Красной нови» помещена статья Д. Благого, который доказывает, что «по своей натуре Пушкин был детски-непосредствен, жизнерадостен, доверчив, исключительно отзывчив, общителен, весь открыт навстречу людям»...).

В. Вересаев прямо сравнивает Пушкина с Бодлэром, а затем, переходя к образу Дон Гуана, заявляет, что «его неодолимо тянет все время к такой любви, которая соприкасается со смертью...» «Пушкинский Дон Гуан полон совершенно упадочных настроений, резко отличающих его от здорово-чувственного образа других донжуанов».

Великий жизнелюбец Дон Гуан в этой трактовке выглядит утонченным декадентом, которого волнует в любви соседство трупа.

Когда-то Белинский писал о том, что тему «Каменного гостя» «можно или понять глубоко или вовсе не понять». Повидимому, на страницах «Красной нови» мы встречаемся с последней из двух предусмотренных Белинским возможностей.

Разумеется, можно спорить о проблемах поэзии Пушкина. Но надо прямо указать на неверность и вредность точки зрения, предложенной В. Вересаевым. Сближая Пушкина с декадентами, изображая его певцом извращенной любви, связанной с образами смерти и тления, эта точка зрения искажает и опошляет Пушкина.

Ю. ДОБРАНОВ.

Б. МЕЙЛАХ

Начало романа о Пушкине

Вышедшие отдельным изданием первая и вторая части романа Тынянова «Пушкин» еще при появлении журнальных публикаций были оценены и читателями и критиками, как большое и радостное событие в советской литературе. Огромный интерес к этому произведению Тынянова вызван уже самой темой. Юбилейные пушкинские торжества продемонстрировали всему миру, как дорог народам Советского Союза образ поэта, поставившего целью своей жизни высокий подвиг создания нужной и понятной народу литературы, борца за свободу, правду и разум. В любовной заботливости, с которой во всех уголках страны, связанных с именем Пушкина, собирались материалы о его жизни, в колоссальном распространении произведений Пушкина сказалась замечательная сила социалистической революции, приобщившей к сокровищам классического наследства миллионные массы трудового народа.

Появление в советской литературе художественного произведения о жизни Пушкина давно ожидалось нами, и едва ли какой-либо иной писатель имел такие права на эту тему и такие возможности осуществления ее, как Тынянов. Тонкий мастер, широко известный читательским массам произведениями, построенными на материале пушкинской эпохи, сочетается в нем с исследователем, обогатившим пушкиноведение рядом открытий и наблюдений первостепенного значения.

Роман о Пушкине в творчестве Тынянова является новым этапом. Здесь художник освобождается от формалистских тенденций «Смерти Вазир Мухтара», от ошибочных трактовок исторического процесса в «Восковой персоне». В новом романе Тынянов синтезирует романтический пафос «Кюхли» с широким реалистическим изображением эпохи. Первые две части романа о Пушкине являются ярким свидетельством роста писателя, преодолевшего трудности изображения наименее документированного периода жизни Пушкина — его детских лет.

В романе сказалось во всей полноте умение Тынянова художественно изобразить конкретные биографические факты, придав им большую силу убедительности.

Лапидарные наброски пушкинского плана автобиографических записок, немногочисленные и скудные мемуары и письма современников о детстве Пушкина, ранняя лицейская лирика поэта — все это нашло у Тынянова внимательное и верное истолкование.

Правда, в уже законченных двух частях романа Пушкин еще не занимает места центрального героя, и изображению окружающей его среды уделено несравненно больше места, чем ему самому. Однако, едва-ли это случилось только потому, что о детских годах Пушкина сохранились очень скудные материалы. Задумав воспроизведение пути поэта на широком фоне общественного и литературного движения этих лет, Тынянов, повидимому, расширяет рамки создания образа центрального героя соответственно росту его идеологического и литературного самоопределения.

Всесторонне осветив окружавшую поэта общественную среду, родных, товарищей, Тынянов показал истоки формирования его характера несравненно тактичнее и ярче, чем этого можно было бы достигнуть путем импровизированного раскрытия «внутреннего мира» мальчика. Сергей Львович, Василий Львович, Мартин Пелецкий, Гауеншилд, крепостник-театрал Варфоломей Толстой — все эти характеры обрисованы не только в их прямых отношениях к Пушкину.

Сквозь изображение присущей им узости, презрения ко всему, что не укладывается в рамки светских условностей, непонимания искренних, свободных порывов и больших человеческих страстей, Тынянов показывает зарождение той горячей ненависти ко всем проявлениям лжи, манерности, неуважения к достоинству человека, которая горела в Пушкине до самой его гибели. На фоне этой среды по-новому раскрываются черты замкнутости, угрюмости, «дикости» Пушкина-мальчика. Становится понятным его одиночество, явившееся результатом неприязни к какому-бы то ни было стеснению и подавлению личной свободы.

Прекрасно показано в романе, как после от'езда матери «движенья его стали вдруг свободны и быстры», как жизнь его стала вдруг полна, как перед сном он смеялся от счастья, осознавая свое освобождение от навязчивого и в то же время внутренне равнодушного контроля. Угловатый и дичившийся окружающих, мальчик, с первых же лет своей жизни не подошедший под установленные для «светских» детей мерки, жил напряженной и настоящей жизнью, уединяясь в чтении или слушая сказки няни.

Начавшуюся с ранних детских лет пушкинскую страсть к чтению Тынянов не трактует, подобно некоторым своим предшественникам, как уход от грубой действительности в мир отвлеченной поэзии. Жадно поглощая одну за другой книги из отцовской библиотеки, он обогащал свои знания об окружающем мире, учился самостоятельно смотреть на людей, сравнивал литературные образы с жизнью.

«Разрушительная» французская литература срывала с действительности флер условности и внешней благопристойности: «Благочестивые старушки, ханжи, девотки напоминали тетушку Анну Львовну, а мать с гостями жеманничала, как мадам Дезульер». Эту свойственную Пушкину особенность реального, действенного восприятия не только литературных образов, но и различных теоретических построений, Тынянов оттенил на ряде важных деталей. В импровизированной «Тетради Александра Петровича Куницына» — лицейского профессора, тонко и вполне правдоподобно рассказан следующий эпизод.

«Я рассказал им о первобытной свободе, естественном состоянии человека о младенчестве его, когда еще не был заключен общественный договор и тем паче не был осквернен тиранами. Они слушали на сей раз с вниманием, и некоторые, кажется, были поражены. Кюхельбекер и Вальховский записывали. Пушкин, который никогда не задает никаких вопросов, вдруг спросил меня после классов: есть ли еще на земле народы, находящиеся в этом состоянии? Я ответил ему, что некоторые дикари сохранили первоначальную невинность, но их становится все меньше: образованность проникает в шалаши, а вместе с образованностью — пороки, общие всем; дики и невинны, как, кажется, индийцы, о которых пишет Шатобриан. Я был несколько удивлен этим вопросом; они не только мыслят, но сразу же и прилагают мысли к настоящему».

Такой подход к раскрытию психологии Пушкина не только помогает об'яснить некоторые черты его поведения в лицее, но и дает возможность понять позднейшее отрицательное отношение поэта ко всяким ложным, оторванным от живой жизни проявлениям идеализации. В сопоставлении с показанным в романе отрицательным отношением Пушкина к преподаванию «Аристарха» Кошанского, пытавшегося навязать воспитанникам нормы «пиитики» классицизма, эпизод, описанный в «Тетради Куницына» со всей ясностью показывает, почему Пушкин считался одним из худших учеников. По всему складу своей натуры он не мог, подобно Горчакову или Вальховскому, стать начетчиком и усваивать понятия, хотя и казавшиеся возвышенными, но логически несостоятельные и практически бесполезные.

Одним из несомненных достоинств романа является стремление Тынянова изобразить Пушкина в различных проявлениях его своеобразного, неуравновешенного характера. Хорошо переданы моменты мгновенных вспышек Пушкина (в особенности столкновение с воспитателем Руссло), быстрых переходов его настроений, первые мучительные борения с трудностью стиха.

В отличие от многочисленных биографов Пушкина, сглаживавших существенные моменты в характеристике юного поэта, Тынянов касается значения и ранних пробуждений в нем любовной страсти и возникшего еще во время пребывания в лицее интереса к «вольной» и эротической литературе, следствием которого явились его поэмы «Тень Баркова» и «Монах». Желанием избежать как сглаженности, так и преувеличений отмечены также сцены, изображающие отношение Пушкина к «простому народу» — Арине, дворовым девушкам, и др.

В напечатанных двух частях романа образ поэта только намечен. Пушкин показан главным образом внимательно наблюдающим и изучающим окружающую жизнь. Психология его только еще начинает выступать отдельными штрихами в общей канве повествования. Поэтому было бы неправильно пред'являть к писателю те требования широкого и всестороннего изображения характера героя, которые должны быть в полной мере реализованы, начиная уже с следующей, третьей части романа.

В обрисовке окружавшей Пушкина бытовой и литературной атмосферы Тынянов достигает большого художественного эффекта. Социальная среда, в которой возник русский сентиментализм с его стремлением к успокоению от «жизненных бурь» в тихом мирке идиллического «уединения», поверхностность и внутренняя лживость салонной поэзии, борьба «карамзинистов» с топорной архаикой «шишковистов», триумфальное восхождение Батюшкова, возникновение возглавленной Жуковским моды на стихи о платонической любви и унынии, первые этапы формирования группы будущих «арзамасцев» — все это изображено верно, сильно и во многом свежо. Как и в других своих произведениях, Тынянов в совершенстве пользуется умением через деталь раскрыть типическое в явлении и в характере.

Так, характеризуя изменение бытового «антуража» разорившейся дворянской семьи, он отмечает: «Сельский букет стоял на круглом столе. Лет десять такой букет не поставили бы на стол», и продолжает далее: «Время было тревожное и неверное. Каждый стремился теперь к деревенской тишине и тесному кругу, потому что в широком кругу некому было довериться». Избегая прямого выведения бытовых и литературных интересов из моментов экономических, Тынянов в то же время достаточно полно характеризует почву, на которой выросло в дворянской среде «презрение к роскоши», любовь к «нежным переливам» и убеждение в том, что только печаль доставляет удовольствие.

Тыняновские характеристики различных персонажей превосходны по своему насыщенному лаконизму. Живыми предстают пред читателем образы Сергея Львовича, двуличного себялюбца, на словах способного ввязаться в любую оппозицию и в то же время постоянно обнаруживающего полное ничтожество своего фрондерства, своенравной и ревнивой Надежды Осиповны, поэта и министра Дмитриева, пребывавшего под бременем собственного величия, директора лицея Малиновского, который погиб, так и не осуществив своих вольнолюбивых стремлений, деда Пушкина Осипа Абрамовича Ганнибала. Запомнятся читателям тепло нарисованный образ Арины, а также лицейские товарищи Пушкина — Пущин, Дельвиг, Кюхельбекер, Горчаков.

В изображении общественно-политического фона десятых годов XIX века хотелось бы видеть более широкую и конкретную обрисовку войны 1812 г., имевшей, как известно, огромное влияние на формирование мировоззрения не только Пушкина, но и всего поколения декабристов. Используя позднейшие, изумительные по остроте характеристики самого Пушкина, следовало бы показать фальшивый «патриотизм» консервативных слоев русского дворянства — с одной стороны, и рост в народе национальной гордости — с другой.

Появление первого тома нового романа Тынянова является одним из значительнейших событий пушкинского юбилейного года. Вместе с тем он знаменует новый этап развития жанра советского исторического романа, который должен в правдивых, художественных образах отразить героическое прошлое великой родины социализма, а также создателей ее замечательной культуры.

ЛИТЕРАТУРА ЗИМОВЩИКОВ

Советская литература в долгу перед мужественными завоевателями Арктики.

Слишком мало хороших книг написано о героической работе большевиков на Севере.

На бескрайних просторах советского Заполярья вместе с густой сетью полярных станций, школ, больниц возникла и мощно развивается и полярная печать.

Из среды мужественных полярников и зимовщиков формируются свои писатели — прозаики, поэты, очеркисты.

В советской Арктике издается 23 печатных газеты, в том числе ежедневная газета на Игарке, на острове Диксон, в бухте Тикси, в Анадыре, в Баренцбурге на Шпицбергене и т. д. Возникают новые печатные газеты, как, например, на острове Врангеля.

На полярных станциях, на советских зимовках регулярно выходят свыше 200 стенгазет.

Очень многие газеты печатают литературный материал — стихи, рассказы, очерки.

Стоит просмотреть комплекты полярных газет, чтобы убедиться в том, что среди советских зимовщиков немало людей, литературно одаренных и талантливых.

Необычные условия Арктики, где человек поставлен лицом к лицу с чрезвычайно суровой стихией природы, романтика завоевания Арктики, героические подвиги наших полярников, ставшие бытовым явлением,— это ли не захватывающий материал для вдохновенных поэм и стихов, для очерков и рассказов!

★

Газета зимовщиков на острове Диксон «Полярная звезда» систематически помещает литературные страницы, печатает произведения писателей зимовки.

С увлечением читаются рассказы полярников об их трудной работе во время плаваний, переходов.

Просто, без претензии на «художественность» написаны рассказ капитана парохода «Покровский» т. П. И. Ничина — «Два эпизода», рассказ Бориса Х. — «Встреча», очерк механика мыса Челюскина т. В. Новицкого — «Наш товарищ Петров», очерк Г. Н. Боровикова «Дядя Максим» — о потомственном полярном промышленнике, широко известном под этой кличкой в северных районах.

Произведения эти пронизаны глубоким чувством советского патриотизма, каким-то особым ощущением коллектива, товарищества, присущим людям зимовок.

★

Наиболее значительное литературное событие на острове Диксон — коллективная книга детей Игарки, написанная ими по инициативе великого пролетарского писателя Алексея Максимовича Горького.

Книга в скором времени выходит из печати.

«Большевик Заполярья» посвятил ей целую страницу, напечатав несколько прозаических отрывков и стихотворений юных авторов.

Юные авторы оправдали надежды великого писателя.

Нельзя без искреннего восхищения читать детские произведения, исполненные непосредственности и свежести.

За полярным кругом растет молодая поросль людей талантливых, смелых, стойких.

Двенадцатилетний поэт Степа Перевалов написал «Песнь о Заполярье»:

Через льды арктических буранов
Мы прошли геройством и трудом,
Мы — друзья железных капитанов,
Нам и Шмидт и Молоков знаком.
Не скучны нам северные дали,
Не страшна нам долгая зима,
С нами — вождь любимый Сталин,
С нами — вся великая страна.
Есть для нас кино, театры, школы,
Нам послушна радио-волна,
Слышим мы заводы и колхозы,
Слышим жизнь столицы и Кремля!
Над снегами реют самолеты,
Пролягая новые пути,
И согреты сталинской заботой
Ненцы тундры; эвенки тайги.
Мы цветем под северным сияньем
С каждым днем все краше и быстрей,
Нас лелеет родина вниманьем,
Мы бодры заботами вождей!

★

Газета «Стахановец Арктики», издающаяся в бухте Тикси, также печатает литературные произведения зимовщиков.

Большой популярностью среди полярников Тикси пользуется написанный зимовщиком Цветковым «Марш полярников». Куплеты марша сопровождаются бодрым рефреном:

Все дальше и дальше на полюс
Шагает полярный отряд,
И песнею звонкою голос
Звучит: не боимся преград!

Зимовщики Тикси горячо интересуются литературой. Регулярно работает литературный кружок под руководством местного учителя и критика Вс. Арбузова. Литкружок изучает творчество А. С. Пушкина, М. Горького.

На зазимовавших в бухте шхунах и кораблях устраивались коллективные чтения Пушкина, Толстого, Гоголя, Горького, Шолохова, Островского и др. В местной библиотеке 140 зимовщиков являются постоянными читателями художественной литературы.

Литкружок подготовил сборник произведений местных писателей.

В пушкинские дни на Тикси был выпущен специальный номер газеты, в котором помещена биография великого поэта, написанная Вс. Арбузовым. Клуб устроил пушкинский вечер. Зимовщики читали стихи, драмкружок поставил «Бориса Годунова».

★

Советская культура, проникшая в Заполярье, стимулирует возрождение поэтического творчества народов Советского Севера.

Нет сомнения — героическое завоевание большевиками Северного полюса вдохновит далеких заполярных поэтов на новые песни, вызовет мощный под'ем поэтического творчества народов Севера, согретых заботой великого Сталина.

«День летчика»

Издательство «Авиационной газеты» выпускает сборник рассказов и очерков **«Летчики»**.

6 июня в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького, где в этот день будет проводиться день летчика, состоится обсуждение сборника.

Обсуждение романа Ф. Панферова «Творчество»

Четыре вечера продолжалось в ДСП обсуждение четвертой и последней части романа «Бруски» — «Творчество». Зал, где происходило обсуждение, был неизменно полон. Это говорит о том, что уже до выхода романа отдельным изданием читатель проявил к нему большой интерес. Зато чрезвычайно странно реагируют на появление «Творчества» писатели и критики. Они абсолютно не заинтересовались ходом дискуссии, мнением читательской массы о романе.

Именно такое самоотстранение от участия в дискуссии и придало последней в известной мере односторонний характер. Выступали больше частью товарищи, положительно оценивающие роман. Многие из них — тт. Войтинская, М. Голодный, И. Бочин (о первых вечерах дискуссии см. «Л. Г.» от 15 мая) — дали интересный анализ достоинств романа, вскрыли его особенности, как произведения партийного, страстного, являющегося результатом органической связи писателя с жизнью. Но упомянутые товарищи не обнаружили также ее последовательности и остроты мысли в той части, где они останавливались на недостатках романа. Таким образом, поневоле оказались слишком выпяченными одни стороны произведения Панферова и мало освещенными, а иногда и вовсе смазанными другие стороны.

Наиболее значительным из всех выступлений на протяжении всей дискуссии явилось, безусловно, выступление т. В. Кирпотина.

Серьезный и правильный анализ сочетался в нем с прямотой суждений, о недостатках романа говорилось таким же полным голосом, как и о положительных его сторонах. При этом не было стремления искусственно «уравновесить» высказывания, как это нередко наблюдается на дискуссиях и в печатных выступлениях.

Тов. Кирпотин констатирует, что между третьей частью «Брусков» и «Творчеством» залегает путь большого роста писателя. «Творчество» значительно выше всех предшествующих томов и по ленке характеров, и по выразительности и точности языка, несмотря на ряд языковых дефектов. Основная особенность «Брусков» в целом, их достоинство и сила в том, что не только идейное содержание романа, но даже его сюжетное построение теснейшим образом связано с этапами классовой борьбы в стране. Писатель не боится показа самых острых противоречий этой борьбы, всей ее сложности и глубины. В этом смысле «Бруски» превосходят даже «Поднятую целину» Шолохова, хотя Шолохов располагает средствами большей художественной изобразительности, чем Панферов.

Прекрасное знание живой действительности, острая наблюдательность и умение осмыслить свои наблюдения под определенным углом зрения делают Панферова одним из наиболее оперативных писателей, дают ему даже возможность без насилия над тканью произведения использовать чуть ли не самые злободневные события.

Это же дает ему возможность заметить некоторые тенденции уже и тогда, когда они еще не обнаружились во всей своей сущности, еще не выступили полностью наружу. Вот почему Панферов в «Творчестве», написанном еще до августовского процесса троцкистских бандитов Зиновьева, Каменева и др., сумел учесть уроки борьбы с контрреволюционными двурушниками, сумел показать новую фазу классовой борьбы.

Что еще отмечает, по мнению тов. Кирпотина, роман «Творчество», это — показ роста личности в советской стране, роста в борьбе с препятствиями и трудностями, в опоре на партию, в процессе слияния с ее интересами, с ее политикой. Это можно четко проследить на судьбе Ждаркина, Стешки и других персонажей романа.

Но иногда в показе тенденций ведущих героев Панферова от прошлого к социализму, от омерзительного собственнического индивидуализма к чувству коллективизма автор «Творчества» отступает от требований художественной логики. Это особенно наглядно выразилось в обрисовке фигуры Никиты Гурьянова. Желая показать мрачную силу собственнических инстинктов, Панферов ввел в роман сцену, — правда, очень сильную и впечатляющую, — где изображается, как Гурьянов, лежа на мешке с зерном, наблюдает голодную смерть дочери и отказывает ей в горсти зерна. Можно ли допустить, — спрашивает т. Кирпотин, — что человек, дошедший до такой степени одичания, потери человеческого облика, превратится впоследствии в одного из мужественных творцов советской действительности, каким он и становится в романе?

Недостаток художественного такта сказывается и в других сценах романа, например, в сцене кулацкого восстания в третьей книге «Брусков», в сцене голода в Полдомасове («Творчество»). Они воспринимаются, как чрезмерное обобщение, они даны без учета остальных звеньев романа, и воздействие их может быть совершенно обратное тому, которого добивался писатель.

Тов. Кирпотин особо останавливается на трудностях, с которыми Панферов встречается при попытке показать своих героев, в частности Ждаркина и Стешки в их личной, интимной жизни.

— Всем ходом прошлой работы, всем своим опытом и вниманием писателя Панферов был прикован к описанию массовых процессов классовой борьбы, к описанию тех сторон развития личности, где она проявляет себя как деятель в области экономики и политики. Значительно меньше внимания Панферов уделял росту личности в семье, в быту, как читателя, зрителя и т. д. И потому, когда Панферов переходит к процессу изображения человека в сложном сочетании социальной и личной жизни, у него сказывается отсутствие достаточной писательской культуры, а иногда и вкуса.

— С чувством досады, — говорит т. Кирпотин, — ощутит читатель отсутствие должной глубины, художественной меры и в тех местах, где изображается товарищ Сталин.

Слабой стороной книги является также ее композиционная растянутость, избыток лирических отступлений и т. п. Многое здесь вполне устранимо, особенно если принять во внимание, что Панферов дорабатывает свои произведения от издания к изданию.

— Путь, который прошел Панферов от первой части «Брусков» к «Творчеству», — заключает т. Кирпотин свое содержательное выступление, — является для нас известной гарантией, что писатель и в дальнейшем будет расти, что следующая книга его будет свободна от недостатков, имеющихся еще в четвертом томе «Брусков».

С интересной речью выступил в конце дискуссии тов. Панферов.

Я. Р.

В секции поэтов

На последнем заседании бюро секции поэтов А. Сурков огласил список членов секции. Выяснилось, что далеко не всех поэтов знает бюро секции, о творчестве многих поэтов у членов бюро весьма смутное представление. Таких членов секции около 70 человек.

Бюро поручило **тт. М. Голодному, А. Суркову, Д. Алтаузену и А. Гидашу** в течение июня непосредственно ознакомиться с творчеством этих поэтов, выяснить, что они пишут в настоящее время и условия их творческого труда.

В связи с опубликованной в «Литературной газете» статьей Ф. Левина о творчестве А. Безыменского решено созвать 13 июня расширенное собрание поэтической секции, на котором будет заслушан доклад о поэзии Безыменского и состоится обмен мнениями.

«Ослепленный»...

В парторганизации ССП Белоруссии

На последнем собрании парторганизации ССП Белоруссии была обсуждена литературная и политическая деятельность зам. председателя правления союза поэта Александровича.

Поэт Александрович много лет находился в окружении врагов народа — нацдемов. Свои стихи он посвящал людям, которые впоследствии оказались заклятыми врагами нашей родины. В 1930 г. Александрович в сборнике стихов «Гудки» напечатал контрреволюционный акростих. Этот же акростих был перепечатан им и в 1933 году. Больше того, по собственному признанию Александровича, он «настолько запутался», что намеревался включить это стихотворение в новый, подготовляемый им теперь, сборник.

Несколько лет назад Александрович написал, а затем неоднократно переиздавал поэму «Тени на солнце». С легкой руки досужих критиков эта поэма выдавалась за «острое выступление против нацдемов». На самом же деле поэма «Тени на солнце» является политически вредной и написана по прямому указанию контрреволюционера Адамовича.

Карьеризм, зазнайство, склочничество, групповщина — характерны для Александровича.

На собрании Александрович прикидывался беспомощным ягненком, которого «ослепили» и «использовали» враги. Но под давлением неопровержимых фактов и улик он вынужден был в конце концов признать, что действовал сознательно, что контрреволюционные стихи писал не просто «ослепленный врагами», а вполне сознавая их сущность.

Собрание вскрыло двурушничество Александровича, которое заставляет сомневаться в искренности и правдивости теперешних его заверений. Несмотря на это, собрание почему-то ограничилось лишь вынесением Александровичу строгого выговора.

Минск. С. ДЕЛЬ.

Кто займется распространением пьес?

На открытом партсобрании драматургов

Первое открытое партсобрание обновленной секции драматургов ССП СССР состоялось 31 мая.

Надо безусловно приветствовать попытку привлечь к работе партгруппы широкий беспартийный актив драматургов. Но самое собрание организовано было плохо.

Началось это собрание с полуторачасовым опозданием. Из двенадцати членов партгруппы явилось лишь семь человек, а из семи новых членов бюро драмсекции присутствовал всего один.

Из четырех вопросов, которые собирались обсудить, три вопроса были отложены. В частности — план работы партгруппы, предварительно не разработанный.

Вопрос о плане работы бюро драмсекции сняли из-за отсутствия докладчика — т. Вс. Вишневского.

За последние десять дней это уже второй случай, когда вопрос снимается с повестки собрания, из-за отсутствия докладчика — т. Вишневского.

Нет основания сомневаться в активности и добросовестности т. Вс. Вишневского, но, видимо, в союзе писателей чрезмерно загружают его, не сообразуясь с возможностями писателя.

Больше трех часов ушло на довольно бесплодный обмен мнениями по поводу информационного сообщения т. А. Фоньо — о распространении драматургических произведений. Из этого сообщения собрание узнало, что выпустило издательство «Искусство» за последние три месяца и что оно подготовляет к печати. Но т. Фоньо ничего не сказал о мероприятиях, которых ждут от издательства драматурги, заинтересованные в распространении своих произведений.

Что собирается предпринять издательство «Искусство» для ликвидации прорыва в снабжении периферийных театров пьесами современных авторов?

Собрание поставило вопрос о создании специальной организации при союзе писателей, которая ведала бы размножением и распространением современных драматургических произведений и снабжала бы ими театры периферии.

На собрании московских драматургов

Третьего дня в союзе советских писателей состоялось общее собрание московских драматургов, на котором с политической информацией выступил т. Вс. Вишневский.

Он остановился на шпионско-диверсионной деятельности троцкистских агентов, тщательно маскировавшихся, чтобы проникнуть в ряды честных советских граждан. В последнее время в среде советских писателей разоблачены, как шпионы, Борн, автор книги «Единственный и Гестапо» и С. Колбасьев.

— Наша бдительность, — говорит Вс. Вишневский, — должна выражаться в полной беспощадности к разоблаченному врагу, в умении распознать практику и биографию человека, с которым ты работаешь.

Задача писателей, инженеров человеческих душ, раскрыть в художественных образах типы гнусных предателей, показать, до каких пределов растяжима душа подлеца. Но мы должны показать и нового человека, сына замечательной социалистической страны.

Совещание закончилось избранием комиссии, которой поручено разработать вопрос о самостоятельной секции драматургов эстрады.

РАЗВАЛИЛИ РАБОТУ

Вести из Ростова

На общем собрании писателей Ростова-на-Дону с докладом о бездеятельности писательской организации выступил секретарь отделения ССП т. **Оленич-Гнененко.**

Из его покаянной речи, широко прокомментированной в прениях писателями, выяснилось, что руководители союза страдали существенным недостатком — «плохой памятью».

Они забыли о решениях февральского пленума ЦК ВКП(б). Потребовался для «освежения памяти» приезд представителя правления ССП СССР, который настоял на немедленном обсуждении итогов пленума ЦК ВКП(б).

С большим опозданием вспомнил союз о пушкинском юбилее. Пришлось готовый уже к печати первый номер «Литературного альманаха», который был целиком посвящен Горькому, спешно переделывать из горьковского альманаха в пушкинский. В результате появилась очень скверная, недоработанная книга, не говоря уже об ее значительном опоздании. Редактор альманаха — Оленич-Гнененко.

Писатель Шолохов-Синявский в течение многих месяцев не мог добиться, чтобы обсудили его роман **«Суровая путина»**, который выходит в издательстве «Советский писатель». Такая же участь постигла и **Петрова-Бирюка, Григория Каца** и др.

Бездушное, бюрократическое отношение руководства союза отталкивало писателей от своей организации. Они перестали приходить в союз.

Канцелярская «машина» союза приняла неимоверные размеры: из 13 членов союза в его аппарате работало 7 человек.

На канцелярщину союз истратил за непродолжительное время свыше **15 тысяч рублей.**

Под видом служебной командировки Оленич-Гнененко пробыл около полутора месяцев в Москве. Какие «служебные» дела заставили его задержаться в столице, никому неизвестно, тем более, что отчитаться в полученных суммах на эту поездку Оленич... забыл.

Забыло руководство союза и о необходимости большевистской бдительности. Членом редакционной коллегии Альманаха молодых состоял некто Ерофицкий, бывший секретарь крайкома комсомола, разоблаченный теперь, как подлый враг народа. В связи с Ерофицким был писатель Штительман, исключенный из комсомола за потерю классовой бдительности. Союз из этого факта никаких выводов не сделал. Штительман и по сей день числится кандидатом в члены союза писателей.

«Деятельность» Оленича-Гнененко и его сподвижников привела к полному развалу ростовской писательской организации. Выступавшие на собрании писатели упрекали и правление ССП СССР, которое не руководило своим азово-черноморским отделением.

Собрание ростовских писателей решило ликвидировать правление ростовского отделения союза. Тайным голосованием избран уполномоченный ССП СССР поэт **Г. Кац.**

РОЗОВ.

ДЖАМБУЛ

Народный певец-импровизатор Казахстана, орденоносец

ПЕСНЯ О ВЕСНЕ НАРОДОВ

Коня мне седлайте. Мне юрта тесна.
Над степью плывет голубая весна.
Запели в степях черноглазые кыз [1]
Запенился нежный, душистый кумыс.
Над гнездами вьются веселые птицы
И ржаньем зовут жеребят кобылицы.
И белые лебеди в небе плывут
Над степью зеленою, как изумруд.
Цветущая степь! Ты волшебней мечты!
Огнем самоцветов сверкают цветы.
Пурпурные маки пылают, как пламя.
Степные тюльпаны блестят лепестками.
Как крупные яхонты розы горят
И белые лилии льют аромат.
Но степи весенней чудесней и краше
Цветешь ты, любимая родина наша.
Одиннадцать стран в окруженьи врагов
Цветут, как одиннадцать пышных садов.
Как гул водопадов, у нас голоса,
У нас богатырские чудеса.
Не мало героев шагает меж нами,
Чьи гордые груди горят орденами.
Ни грозы, ни бури для нас не опасны —
И море, и суша, и высь нам подвластны.
Недаром же нас зарубежный народ
Ударной бригадою мира зовет.
Наш век был наполнен громами походов.
Наш век стал весною счастливых народов,
И песня вскипает, и кровь горяча,
И жизнь, как и степи, сияет в лучах.
Ликуйте и пойте, народы! Над нами
Великого Сталина имя и знамя.
И клич большевистский его боевой,
И слово, и воля, и гений его!

Перевод с казахского К. АЛТАЙСКОГО.

[1] Кыз — девушка.

Хитрец Алдар-Кос

«Жил в степи Алдар-Кос.

Хитрее его не было человека на свете. В юртах про него говорили:

— Разве только змея может обмануть Алдар-Коса.

В этой же степи кочевал бай Чик-Бирмес — «не дающий капли воды». И не было в казахской степи скупее его. «Точно побывал у Бирмеса в гостях» — так говорили люди, когда испытывали сильный голод.

Алдар-Кос стал собираться к Бирмесу в гости...» — так начинается народная казахская сказка о скупом бае и хитром бедняке Алдар-Косе, которому в степи «известны все тропы и в каждой юрте у него друзья».

Алдар-Кос — один из любимых сказочных героев казахского народа. Об его веселых проделках сложена не одна сказка. И во всех них умный находчивый Алдар-Кос неизменно выходит победителем над жадным глупым баем.

В сборничке «Книга за книгой» приведены три сказки о хитром Алдар-Косе: «Хитрец Алдар-Кос», «Проделки Алдар-Коса», «Чудесная шуба». Веселые и остроумные, полные неподдельного юмора, сказки эти доставят маленьким читателям много радостных минут.

Хитрец Алдар-Кос. Казахская сказка. Детиздат ЦК ВЛКСМ. 1937 г. Стр. 16. Ц. 35 к.

Издательство «Академия» выпускает «Боги жаждут» А. Франса с иллюстрациями Т. Мавриной.

А. ДЫМШИЦ. Л. ПЛОТКИН

Вредный путаник

В литературной науке, к сожалению, имеется еще немало «непроветренных» уголков, где пытаются укрыться различные невежественные и претенциозные путаники. Только недопустимой беспечностью и близорукостью можно, в частности, об'яснить многообразную и вредную деятельность такого литературоведа, как Н. Я. Берковский.

Сперва Берковский подвизался в литературе как критик. Своими статьями о советской литературе он быстро стяжал себе в канцеляриях и журналах РАПП сомнительную славу специалиста по вопросам литературной формы. Платя обильную дань формализму, всячески походя дискредитируя все лучшее и прогрессивное в русской классической литературе, он в то же время стремился ориентировать писателей на усвоение традиций наиболее реакционных литературных школ.

Так, «охарактеризовав» «Что делать» Чернышевского как роман без таланта и «принципиально бездарный», Берковский не постеснялся порекомендовать советским писателям в работе над жанром социального романа учиться у Достоевского. «Мы думаем,— развязно и авторитетно вещал он,— что тактика Достоевского особенно для нас пригодна. Массовый вкус нашего времени опять высказывается за сюжетность... Наш социальный роман, вероятно, должен родниться с жанром криминальным, авантюрным, изобретательно-детективным. «Низовая эстетика», вероятно, желает этого родства».

Однако этот ходатай от «низовой эстетики», путаник и вульгаризатор, явно дискредитировавший себя своими писаниями, вскоре счел за благо ретироваться из той области, где разгорались страстные литературные бои, и искать пристанища в тихой обители западноевропейских историко-литературных «штудий».

Но, перекочевав на историко-литературную тематику, Берковский в полной мере сохранил свои порочные формалистско-идеалистические установки. Более того, он сумел, пользуясь методологической «беспризорностью» на участке истории западных литератур, развернуть эти взгляды в целую систему, упорно повторяемую из статьи в статью и обрастающую все новыми показательными проявлениями.

Его работы, состоящие из серии вступительных статей к разного рода изданиям, представляют собой образцы возмутительной политической безответственности, явной антинаучности и принципиального невежества, «украшенные» претенциозной мистической терминологией.

По примеру своей прошлой «критической деятельности», он настойчиво снижает значение классической мировой литературы.

Пространная статья Берковского, предпосланная сборнику работ группы ленинградских литературоведов-западников «Ранний буржуазный реализм» (Гослитиздат, 1936 г.), противопоставляет писателей классиков народу.

Говоря о буржуазном реализме, Берковский прямо утверждает, что «пафос адэкватного познания ослабевал на более дальних этапах развития буржуазии, когда она, принужденная к союзу с народом и приближаясь к роли вождя общества, должна была изображать свои общественные отношения как соответствующие народным интересам».

Смысл этой формулы, несмотря на туманное изложение, ясен. Вопреки классикам марксизма, Берковский считает, что стремление гениев классического искусства отражать в своем творчестве борьбу и чаяния народных масс обескровливало их творчество, уводило с дороги об'ективного познания мира.

Не случайно поэтому, что величайшие классики мировой литературы —Шекспир, Сервантес, Бальзак, Стендаль получают у Берковского «урезанные» оценки.

О Шекспире, например, он изрекает следующее: «Теоретик и убежденный «коллективист» (государственник) и грубый демофоб», «он полон иерархической спеси и очень решительно судит о «черни», неспособной, по его словам, ни к правильной жизни, ни к героическим деяниям».

У Сервантеса он умудрился заметить не только «двойную тематику», «двойную композицию», но и «двойное мировоззрение». Бальзак и Стендаль для него — носители особой «французской» национальной формы романтизма» (!). Все эти открытия стоят в прямом противоречии с высказываниями Маркса—Энгельса об этих писателях.

Центральной темой ученых изысканий Берковского является немецкий романтизм. Эта тема служит для него не столько предметом исследования, сколько поводом для апологетики реакционно-мистических тенденций в немецком романтизме.

В статьях о немецких романтиках Берковский договаривается до чудовищных вещей.

Перекликаясь с врагом народа Радеком, который сознательно стирал разницу между пролетарской критикой капитализма и наглой социальной «антибуржуазной» демагогией фашистов, Берковский считает, что тезис реакционных немецких романтиков (Шлейермахера, Новалиса, Вакенродера и др.) о несовершенстве буржуазного общества с точки зрения феодального идеала является связующим звеном между немецким романтизмом и пролетарской идеологией.

«Все значение романтизма для нас в том,— пишет Берковский,— что это был один из самых широких, самых грандиозных опытов критики буржуазной культуры — предпролетарских опытов». (Предисловие к сборнику «Литературная история немецкого романтизма», 1934 г., стр. 45).

Об'явив «оптом» немецких романтиков предшественниками пролетарской критики капитализма, Берковский не стесняется в той же статье, несколькими десятками страниц ниже, заявить: «Современный фашизм берет от романтики ее критическую сторону с обязательным в то же время сопутствием «позитивного» содержания романтизма, с его перевесом» (стр. 117).

Да, в этом случае Берковский прав. Критика капитализма с феодальных позиций немецкими мистическими романтиками идеологически используется «железными романтиками» — гитлеровцами. Берковский в то же время не стесняется провозгласить критику такого рода одним «из самых грандиозных предпролетарских опытов».

В тесной связи с этими измышлениями находится и путаное утверждение Берковского, что «романтизм сложился как идеология защиты от революции, от «крайностей», от односторонности (!?) реального исторического развития». Вот до каких перлов доходит политический путаник!

Методологические корни этих «откровений» Берковского раскрыты им же самим. В статье «Социологизм в немецкой литературной науке» он прямо заявляет, что наша наука должна усвоить «достижения» немецких буржуазных социологов: «Немецкая система, марксистски исправленная, дополненная, может оказаться превосходной рабочей силой в нашем социологическом литературоведении». («Текущая литература», стр. 310). Так Берковский призывает «дополнить» марксизм вульгарными, идеалистическими «теориями» немецких литературоведов из буржуазно-декадентского лагеря.

★

Берковский не только посильно учится у своих формалиствующих наставников методологии, но и заимствует у них мистическую галиматью даже в самой фразеологии. Язык его статей воскрешает в памяти давно прошедшие времена литературных бдений профессиональных русских мистиков.

Так, он утверждает, что «почти физическая мифологема, осязаемая, наглядная, в которую облекся у Гофмана «мир высший», имеет тот смысл, что мир низший от него безнадежно отчуждается, без всякого возврата к хотя бы формальному синтезу. Мифологема скомпрометирована своей физической природой, «низший мир» —своим жалким масштабом по сравнению с стоящими за ним легендарными вещами». («Ранний буржуазный реализм», стр. 100).

В творчестве Новалиса Берковского радуют «гениальные мистические догадки о реальности общественного содержания сознания» («Литературная теория немецкого романтизма», стр. 56), а основными противоречиями Клейста он считает «могучее реалистическое рвение художника и в то же время — ирреальные предпосылки его сознания (!), осмысливание мира, как игры потусторонних сил» (примеч. к 2-му тому «Немецкой романтической повести», стр. 460).

Весьма показательно, что «вершины» мистических откровений постоянно перемешиваются у Берковского с невежеством и малограмотностью.

«В Пильняке колыхался усадебный Зайцев с Буниным»; «пищевод литературы поврежден, все меньше попадает в него «действительности»; «Мертвые души» имеют вещевой инвентарь, они написаны не столько словами, сколько этими самыми канифасовыми брюками, хомутами и баранками»; «основные величины его (Шекспира) поэтики — государство и индивидуум — еще не проработаны мистификацией» и т. д.

Безответственные упражнения Берковского, возможно, не заслуживали бы широкого внимания общественности, но Берковский пишет, печатается и не получает отпора. Более того, он «готовит смену» в ленинградских институтах. Ему поручают ответственные статьи в популярных изданиях западноевропейских классиков.

Усердные почитатели создают ему славу непогрешимого марксистского авторитета в области западной литературы. Совсем недавно одна из его почитательниц Н. Рыкова патетически расхваливала новейшие открытия Берковского, состоящие в том, что Э. Т. А. Гофмана он превратил в реалиста высшего типа (см. ее рецензию в «Литературном современнике» № 3).

Захлебываясь от восторга, Рыкова готова вслед за Берковским видеть в разочаровании романтиков революционно-просветительной идеологией подготовку «социального реализма XIX века». Она полностью одобряет своего учителя, который ухитрился в мистицизме Гофмана узреть утопические представления о естественной жизни естественного человека в природе, в космосе. Литературоведческий спиритуализм достигает здесь своего апогея.

На печальном примере Рыковой видно, что вредные идейки Берковского начинают овладевать умами некоторых критиков. Это лишний раз убеждает в опасности антимарксистских домыслов Берковского.

А. ИСБАХ, А. ФУРМАНОВА

С кем боролся Дмитрий Фурманов

1.

Весной 1925 года Дм. Фурманов, бывший секретарем московской ассоциации пролетарских писателей, резко выступил против руководства ВАПП, возглавлявшегося тогда небезызвестным С. Родовым и врагами народа Лелевичем и Вардиным.

Мужественный писатель-большевик разоблачил всю вредную сущность родовского руководства, задерживающего рост советской литературы.

Как всегда горячий, как всегда целеустремленный, Фурманов все силы свои отдавал борьбе с врагами на литературном фронте. Он видел, что Родов и его соратники разваливают литературу, противопоставляют писательские организации партии, вредят, действуют методами бюрократического зажима. Он видел, что вокруг Родова, Лелевича и Вардина собираются склочники, литературные прихлебатели, подхалимы и льстецы.

«В рядах пролетарской литературы, — писал Фурманов, — тревога. Не паника, но тревога. Организация наша больна трудной болезнью. Болезнь, которой мы об'являем беспощадную борьбу, это — родовщина, целая система методов, форм и приемов политиканства и хитрости внутри организации пролетарской литературы...»

«Надо следить, — писал он, — за организационным переусердствованием лиц, имеющих обычно лишь сомнительное, отдаленное отношение к творческой деятельности и готовых все свое время поглощать во всевозможных заседаниях, совещаниях и т. п., губя и увлекая всецело в эту работу и действительно талантливых, ценных пролетарских писателей».

Особое внимание уделял Фурманов воспитанию молодняка.

«Надо совершенно отбросить, — писал он, — губительную систему выдвиженчества в той форме, как его практикует родовщина, приглашающая по головке там, где это не по существу, а лишь тактически полезно и выгодно, плодящая подхалимов, не умеющих разобраться в подлинном даровании... Начинающий пролетписатель вовсе не орудие в руках какой-либо борющейся группки, домогающейся закрепить через него свое шаткое положение».

«Родовщина пытается сбить нас с верного пути и отводит от политики в сторону политиканства, к замене широко развернутой работы нормально избранных организаций, работой случайных, закулисных, конспиративно действующих и все предрешающих группочек, приобретающих себе функции и права каких-то диктаторских центров, неведомо как создающихся, пополняющихся и распускающихся».

«Всесоюзная и московская организации пролетписателей фактически поставили себя в такое положение, что ни ЦК, ни МК, ни один партийный орган не считают эти организации себе подсобными, так как они всею системою своего поведения отнюдь не стремились приблизиться к парторганам, а, наоборот, отмежевывались от них...»

Фурманов призывал к борьбе с родовским руководством. Он писал в своих тезисах о «родовщине»:

«Мы считаем позорным и вредным для развития пролетарской литературы в дальнейшем руководствоваться организациям пролетписателей методами родовщины, а, наоборот, за счет этих вреднейших методов конспирирования и ловкачества считаем необходимым усилить максимально деятельность нормально избираемых пролетписательских органов... Установление теснейшего контакта в повседневной работе с соответствующими органами партии... мы считаем основной предпосылкой успешного и быстрого роста».

Фурманов выступал против администрирования в литературе, за воспитательную работу, за всемерное развитие творчества. Руководство Родова, Лелевича, Вардина мобилизовало против Фурманова все свои войска. Фурманова начали травить.

Но Фурманов ни на минуту не прекращал борьбы. Больной, измученный, он продолжал наступление на врагов советской литературы. Он знал, что борется за партийную линию. Он знал, что борется за советское искусство против тех, кто хочет это искусство разлагать.

В 1925 году была принята резолюция ЦК о художественной литературе. Вапповское руководство в лице Родова, Лелевича, Вардина и их приспешников встретило резолюцию в штыки. Этим оно окончательно разоблачило себя.

2.

Страницы дневников Фурманова, посвященные борьбе с вапповским руководством, говорят о той исключительной травле, с которой пришлось столкнуться автору «Мятежа» и «Чапаева».

«Эти дни в тревоге, — пишет Фурманов 31 марта 1925 года, — ночь сегодня вовсе не спал. Мучили кошмары «родизма».

«Они борются, — записывает он 21 апреля 1925 года, — распространяют слухи о том, что я ухожу в «Кузницу»... Выступают... с заявлениями о моем «правом уклоне», о «внутренней воронщине», которую я возглавляю, и т. д. и т. д.»

«Словом, натиск со всех сторон, но мы стойки, нас, видимо, шутя не повалишь».

Клевета и травля достигают высшего предела, но Фурманов не сдается.

«Кажется, Родову, — пишет он, — на этот раз не отвертеться. Отношения у меня не только с Родовым и Л—чем *, — даже с Сашкой ** расстроились. Настроение в МАПП действительно таково, что его треплет отчаянная лихорадка...

Ох, устаю, а голова болит и ночь и день»...

Мало кто внутри ВАПП поддерживал Фурманова в его борьбе. Друг Вардина и Лелевича, ныне окончательно разоблаченный, враг народа, Авербах прислал из Симеиза гневную телеграмму, протестующую против посягательства на руководство Родова — Лелевича — Вардина.

«Настаиваем прекращении раздувания разногласий. Обстановка обязывает сговору тчк переносящий вопрос во вне враг раскольник тчк присоединяемся телеграмме Вардина — Авербах-Либединский».

Телеграмма эта глубоко показательна. Авербах знал, кого поддерживает. Авербах продолжал вести с Фурмановым ту же борьбу, которую вели Родов, Лелевич и Вардин. Авербаховщина довела до предела все политиканские методы и приемы.

Но Фурманов не сдавался.

24 апреля он записывает в дневник:

«Получил и эту вот телеграмму Авербах-Либединский. Одно и то же. Бесполезное вздрыг, пустое, что вяжется, то доведу до конца... Довольно. Довольно, черт раздери пополам! Мы хотим конца этим мерзостям и подлостям. Потому и пошли на все: бросили на несколько недель свои литературные работы, чтобы в дальнейшем сберечь вместо недель целые годы. Махнули рукой на свои болезни, все и у всех лечение — к чорту, вверх тормашками, заседаем глубокими ночами, у всех трещат, гудят, разламываются головы — и на то идем... Пусть все это, пусть — мы ведь боремся с самым пакостным и вредным, мы его с корнем вырываем из своей среды. Надо доводить до конца. Поэтому и смешны мне эти телеграммы Вардина, Авербаха, Либединского».

* Лелевичем.

** Безыменским.

3.

Борьба доходит до своего предела. 2 мая Фурманов записывает в дневник:

«Пока не раздавлю эту гадину... все время отдам, всю энергию, все, но победим, клянусь, что победим».

В эти дни заголовки отдельных страниц фурмановского дневника приобретают военный характер: «Сражение», «Перед боем», «Бой».

Весною 1925 года фурмановская борьба кончилась неудачей. Большинством всего в один голос была провалена на фракции правления МАПП фурмановская резолюция. Фракция приняла половинчатую, либеральную резолюцию. 10 мая Фурманов после фракции записывает в дневнике:

«У меня ломит, разламывает голову, ноет и гудом гудит сердце, я за 10 дней потерял... восемь фунтов, стал плохо очень спать, всю ночь мокрый, потею, голова вся забита только одним — этой борьбой, ничего не читаю, не пишу, все время нервно бранюсь со всеми: окончательно выбит из колеи...»

И все же Фурманов не оставляет борьбы. Летом 1925 года он возобновляет борьбу. Он пишет заявление во фракцию правления МАПП и ВАПП, в котором говорит о полном развале организаций, о склочничестве, он требует коренного оздоровления организации, пересмотра всего руководящего состава.

«Руководящий состав, — пишет он, — о родовском руководстве ВАПП, — так перегрызся внутри себя, что каждый день можно ждать новых группировок и перегруппировок, новых осложнений, новой борьбы, а тратить время на это бесполезное занятие — жалко и вредно».

Он требует еще раз смены руководящего состава, он требует решительного поворота к творчеству.

На этот раз Фурманов победил. Большинство организаций пошло за ним, руководство Родова — Лелевича — Вардина было разгромлено. Но остались их «наследыши» (фурмановское определение), остались Авербах, Киршон и другие.

На февральской конференции МАПП (1926 г.), буквально за несколько дней до смерти Фурманова, авербаховцы пытались протащить резолюцию, осуждающую и Родова и... Фурманова.

По докладу ВАПП Лузгин огласил эту резолюцию.

Всякому был понятен двурушнический, реваншистский, смысл этой резолюции. С огромным возмущением уже полубольной выступил Дмитрий Фурманов на конференции. Председательствовал Киршон. Киршон всячески старался протащить резолюцию. Он кричал на Фурманова, старался его дискредитировать.

Большинство конференции отклонило двурушническую резолюцию.

Весенняя борьба Фурманова этим самым была признана правильной борьбой. Но авербаховцы не унимались, они продолжали свою закулисную политиканскую работу, собирали какие-то подписи, продолжали травить Фурманова, уже больного, приходящего на конференцию с высокой температурой.

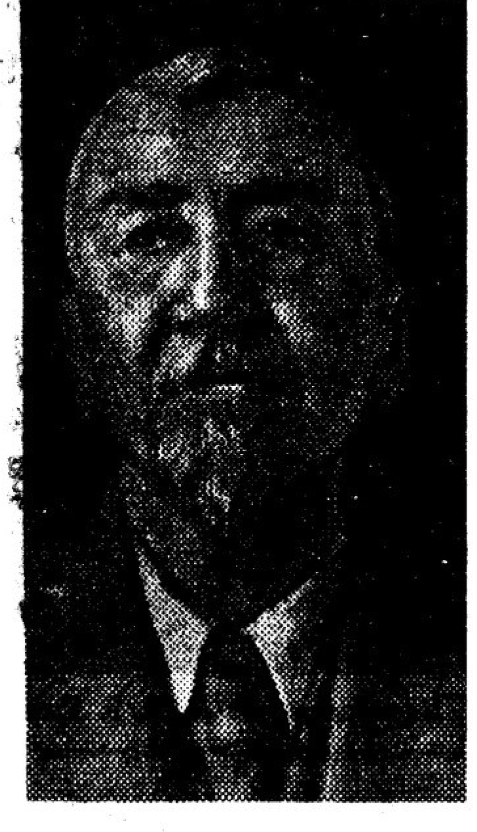
Этим самым авербаховцы применяли унаследованные у родовцев способы травли лучших советских писателей.

Л. ФЕДОРОВ

Через двадцать лет...

Когда пересматриваешь изданное в предреволюционные годы собрание сочинений А. И. Куприна, возвратившегося на-днях в Советский Союз после долголетнего пребывания за границей, прежде всего обращает на себя внимание богатство и разнообразие тем, накопленных впечатлений, запас наблюдений, знание жизни и быта людей самых различных профессий, среды, положения. Об'яснение этому легко отыскать в биографии писателя, который, побывав сначала в закрытом пансионе, затем в кадетском корпусе и юнкерском училище, прослужил некоторое время в царской армии, а потом, уйдя с военной службы, переменил десятки занятий и исколесил города и села старой России.

Кем только не был Куприн! Грузчик и актер, землемер и певчий, псаломщик и рыбак, он пришел в литературу уже обогащенный большим житейским опытом. Большое знание жизни в соединении с незаурядным талантом художника и рассказчика обеспечило Куприну видное место в дореволюционной русской литературе. Он осветил в своем творчестве реалистически правдиво многие стороны русской действительности, и это изображение, при всех пороках идеологии Куприна, при всей ошибочности развиваемой им философии жизни продолжает доставлять и современному советскому читателю богатый познавательный материал. Куприн создал ряд незабываемых картин жизни и быта царской России.


А. И. Куприн.

На примере творчества Куприна можно еще раз убедиться, что реалистическое отражение жизненных процессов дает жизнь и долговечность и самому искусству.

В 1896 году появилась первая большая повесть Куприна — «Молох». Устами инженера Боброва Куприн сравнил современную ему промышленность с древним божеством Молохом, которому приносили человеческие жертвы. «Давно известно, — говорит Бобров доктору Гольдбергу, — что работа в рудниках, шахтах, на металлических заводах и на больших фабриках сокращает жизнь рабочего приблизительно на одну четверть. Я не говорю уже о несчастных случаях или непосильном труде. Вам, как врачу, гораздо лучше моего известно, какой процент приходится на долю сифилиса, пьянства и чудовищных условий прозябания в этих проклятых бараках и землянках... Постойте, доктор, прежде чем возражать, вспомните, много ли вы видели на фабрике рабочих старее 40—45 лет? Я положительно не встречал».

Пользуясь статистическими данными, Бобров подсчитывает, что тот металлургический завод, на котором он служит в качестве инженера, каждые двое суток пожирает целого человека.

Бобров опровергает одно за другим все возражения своего собеседника.

«И больница ваша и школа — все это пустяки! Цаца детская для таких гуманистов, как вы, уступка общественному мнению...», — говорит он. Бобров доказывает, что рабочему при капитализме не обеспечена даже эта пожирающая его работа, что каждую минуту он может оказаться на улице из-за какого-нибудь колебания акций на бирже.

В повести Куприна пожирающий людей Молох представлен и в заводе и в Квашнине — всесильном капиталисте, доход которого превышает триста тысяч в год. Квашнин — самодовольный, самоуверенный, властный человек, сила, топчущая и давящая все окружающее. Он — персонификация современной капиталистической промышленности. Он подавляет и развращает все, к чему прикасается. Перед ним, за немногим исключением, подобострастно сгибаются директора, инженеры, служащие. Он вызывает в них страх и неудержимую зависть к его богатству. Он, как Молох, берет себе человеческие жертвы и в том числе буквально покупает девушку, которую полюбил и готовился назвать своей женой Бобров.

Сила и правдивость этой повести заключена в том изображении капиталистического завода, которое дал Куприн, в той атмосфере разлагающего влияния Квашнина — характерной фигуры капиталиста, — которую показал писатель. Пошлость семьи Зиненко, отвратительный и ничем не брезгующий карьеризм Свежевского и ему подобных, безвыходность положения честных и неглупых, но бесхарактерных, безвольных и бессильных людей вроде Боброва или доктора Гольдберга, — вот что выпуклыми чертами нарисовал Куприн.

В своеобразной форме в повести был остро поставлен основной общественный вопрос. Но вопрос этот был поставлен расплывчато. Как Молох представлен в повести Квашнин, как Молох выступал в повести и завод, машина. Куприн не умел четко отделить капитализм от промышленности, они сливались у него в одно. Он не умел понять, что капиталистическая эксплоатация, хищничество, выжимание соков не являются обязательным условием существования крупного машинного производства.

«Вот он, — Молох, требующий теплой человеческой крови! — кричал Бобров, простирая в окно свою тонкую руку. — О, конечно, здесь прогресс, машинный труд, успехи культуры... Но подумайте же, ради бога — двадцать лет! Двадцать лет человеческой жизни в сутки!..»

В истерическом крике Боброва выражено глубокое страдание, вызванное мучительным противоречием общественного устройства. Но выхода из этого противоречия не дано.

И при всем этом современный советский читатель в повести Куприна найдет правдивое изображение самого этого общественного противоречия, как оно проявляется в реальной жизненной обстановке, в реальном человеческом столкновении, в характерах людей. Оно ощущается, несмотря на то, что главный и важнейший персонаж — рабочий класс — присутствует в повести только в рассуждениях Боброва и едва намечен в сцене закладки новой доменной печи, да в беглой зарисовке бабьего бунта.

Крупнейшим произведением Куприна явился «Поединок». В сущности говоря, в русской литературе едва ли можно найти еще у кого-нибудь такое откровенное и беспощадное изображение царской армии. Бессмысленная муштра, бесконечное издевательство над солдатами, избиение их по всякому поводу, тупая и пошлая жизнь офицерства, пьянство, дебоши, полная беспросветность существования, полковые дамы, — вся эта мрачная и отвратительная картина армейской жизни нашла в Куприне своего правдивого бытописателя. Жестокость, грубость, насилие, пошлость окружающей обстановки воплощены писателем в картинах, которые полны глубокого знания фактов, людей, их психологии, всех деталей их существования. Разумеется, и в «Поединке» Куприн не выходит за пределы чисто буржуазных представлений о жизни. Философия писателя выражена в словах Назанского:

«...идет новая божественная вера, — говорит он Ромашову, — которая пребудет бессмертной до конца мира. Это любовь к себе, к своему прекрасному телу, к своему всесильному уму, к бесконечному богатству своих чувств... Вы — царь мира, его гордость и украшение. Вы — бог всего живущего. Все, что вы видите, слышите, чувствуете, принадлежит вам. Делайте, что хотите. Берите все, что вам нравится. Не страшитесь никого во всей вселенной, потому что над вами никого нет и никто не равен вам. Настанет время, и великая вера в свое Я осенит, как огненные языки святого духа, головы всех людей, и тогда уже не будет ни рабов, ни господ, ни калек, ни жалости, ни пороков, ни злобы, ни зависти. Тогда люди станут богами».

Эта философия — разновидность ницшеанства — находилась в кричащем противоречии с той правдой о действительности, какую рисовал Куприн. Эта философия вела его в сторону от социальных обобщений, от тех выводов, которых требовала жизнь. Куприн уходил в мир индивидуализма, вместо того, чтобы понять социальную сущность изображаемых им картин жестокости, тупости, пошлости, мещанства, хищничества, издевательств, скотства и озверения.

Этот путь привел Куприна к тому, что, когда рабочий класс России поднялся во главе трудящихся масс, чтобы смести человеконенавистнический общественный порядок и построить новое социалистическое общество, писатель оказался по ту сторону баррикад. В течение двадцати лет находился он в эмигрантском болоте рядом с Осадчими, Сливами, Веткиными, Бек-Агамаловыми и другими героями мордобоя и насилия, которых он сам же заклеймил. Потребовалось двадцать лет, чтобы писатель понял, наконец, что на покинутой им родине людьми, к которым он так долго враждебно относился, построена замечательная, свободная жизнь.

Наш советский читатель, перечитывая произведения Куприна, сумеет отделить его философию от тех реалистических картин, которые созданы писателем. В тех произведениях, где художник смело подходил к окружавшей его действительности, где он с подлинным знанием рисовал жизнь кадетского корпуса («На переломе»), старой царской армии («Поединок», «Дознание»), завода («Молох»), жизнь растоптанных и скатившихся на «дно» людей («С улицы»), наш читатель сумеет оценить реалистическую правду этого изображения и силу кисти мастера.

У КУПРИНА

Около двадцати лет находился за рубежом известный дореволюционный русский писатель А. И. Куприн. И теперь, возвратившись в СССР, с нескрываемой горечью и глубоким раскаянием вспоминает он о тяжелых годах эмиграции.

— Я бесконечно счастлив, — говорит А. И. Куприн, что советское правительство дало мне возможность вновь очутиться на родной земле, в новой для меня советской Москве...

— Я в Москве! Не могу притти в себя от радости. Последние годы я настолько остро ощущал и сознавал свою тяжелую вину перед русским народом, чудесно строящим новую счастливую жизнь, что самая мысль о возможности возвращения в Советскую Россию казалась мне несбыточной мечтой. Эти мои опасения угнетали меня, давили. И, не скрою, я не решался очень долгое время просить у полпредства разрешения возвратиться в Советский Союз.

С непередаваемым нетерпением ждал я дня от'езда в СССР, оторванность от которого, повторяю, я тягостно переживал последнее время.

Я рвался на родину, преследуемый в то же время единственной мыслью — простит ли меня народ мой.

И здесь, в Москве, я хочу сказать советскому читателю, новому замечательному поколению советского народа искренне и убежденно: постараюсь найти в себе физические и творческие силы для того, чтобы в ближайшее же время уничтожить ту мрачную бездну, которая до сих пор отделяла меня от Советской страны.

Я еще не знаю — знакомы ли молодому поколению русских читателей мои дореволюционные произведения, но хочу думать, что многие из моих повестей и рассказов не утратили для них интереса.

Глубоко волнующее, естественное для писателя чувство удовлетворения испытал я в первый же день моего приезда в Москву, когда узнал, что Государственное издательство художественной литературы намерено выпустить двухтомное собрание моих старых сочинений. Когда же я ознакомился с намеченным содержанием моего двухтомника, я испытал надежду, что советский читатель примет мои книги благожелательно.

Советский читатель чрезвычайно требователен и строг. И он прав. К художественному произведению, к искусству, к литературе родины нужно относиться со строгими требованиями.

Моя писательская гордость будет удовлетворена, если и я в своих новых произведениях сумею пойти вровень с требованиями народов СССР к своей литературе. Я преисполнен горячего желания дать стране новые книги, войти с ними в круг писательской семьи Советского Союза.

А. И. Куприн перенес зимой очень тяжелую болезнь. От последствий этой болезни писатель не оправился вполне и до сих пор.

— Я чувствую себя окрепшим от одного сознания, что я в Москве, — говорит, улыбаясь, А. И. Куприн, — но врачи требуют режима. Придется им подчиниться. Но когда я вырвусь из санатории или дома отдыха, ничто и никто не сможет оторвать меня от письменного стола.

Л. КО.

«ПЕСНИ БОРЬБЫ»

Ганс Эйслер — один из значительнейших немецких композиторов сегодняшнего дня. Вместе с революционными поэтами-антифашистами Бертольдом Брехтом и Эрихом Вейнертом он создал много боевых песен и баллад, ставших любимыми песнями пролетариев Запада.

Их поют в революционном Мадриде, в рабочих предместьях Берлина, в Париже, в Лондоне.

Песни Ганса Эйслера популярны и любимы у нас в Советском Союзе.

Музгиз выпустил сборник Ганса Эйслера «Боевые песни», показывающий все многообразие жанров, в которых работает композитор. Здесь и «Баллада о солдате» из цикла песен о войне 1914—18 гг., и популярная песня заключенных концентрационного лагеря в Гамбурге «болотных солдат», и знаменитый берлинский марш «Красный Веддинг» с новым текстом Эриха Вейнерта.

В немецкой песне 1937 года «Не плачь, Мари» Ганс Эйслер нашел совершенно новую для него, чрезвычайно выразительную форму революционного романса.

Песни напечатаны на немецком и русском языках. Переводы с немецкого сделаны С. Третьяковым, С. Болотиным и Т. Сикорской.

Сборник вышел под редакцией Г. М. Шнеерсона. Он хорошо оформлен.

Тираж — 10 тысяч экземпляров.

СТИФ.

Сотый спектакль «Тихого Дона»

Музыкальный театр им. Народного артиста СССР В. И. Немировича-Данченко закончил зимний сезон в Москве и 20 мая в полном составе выехал на гастроли в Архангельск. В гастрольной поездке, кроме основного репертуара («Тихий Дон», «Травиата», «Дочь Анго», «Чио-Чио-Сан» и др.), театр покажет впервые после возобновления оперу «Карменсита и солдат».

В Архангельске опера Дзержинского «Тихий Дон» пойдет в сотый раз в этом театре.

А. ГУРВИЧ

Фальшивка

«Большой день» вместе с «Судом» и «Чудесным сплавом» свидетельствует о том, что драматургическая деятельность Киршона (именно деятельность, а не творчество) быстро деградирует. «Прославленный» драматург не только отстал от окружающей его жизни, он заметно отстал и от того скромного дарования, которое можно было обнаружить в его первых пьесах.

Кульминационный момент «Большого дня» (победа над фашистами) подан Киршоном, как наивнейший анекдот. Так побеждают обычно дети, когда играют в войну. (Не случайно в этой пьесе, посвященной военному столкновению нашей страны с фашизмом, такое огромное место занимает малолетний Зорька).

Нас, конечно, не может демобилизовать «эффектный», по стилю своему нат-пинкертоновский момент, когда в таинственно-электрифицированном фашистском штабе внезапно появляется «очень спокойный» Кожин. Мы склонны простить Киршону все его военно-стратегические, военно-тактические и военно-технические бредни.

Драматург очень наглядно показал, что он не стратег, не тактик, не техник, но... драматург ли он?

Замысел пьесы: наряду с сокрушительной мощью, мужеством и героизмом наших бойцов показать их исключительную человечность, их гуманизм. Оставим же в стороне чисто военные проблемы и обратимся к человечности киршоновских героев.

Кожин появляется в стане врагов очень спокойный.

У Киршона нет ни одной пьесы без этой ремарки. Нет ни одного героя-большевика, который в самый опасный для него момент не был бы очень спокоен. Гороян, Михайлов, Рудольф, теперь Кожин. И обратите внимание, — не просто спокойный, а очень спокойный. Большевик, врывающийся в фашистский штаб, где его могут каждую секунду убить из любого угла, где пытают его товарищей, не может удовольствоваться нормальной человеческой дозой спокойствия. Он должен обнаружить в себе нечто гораздо большее, чем просто спокойствие.

Непонятно только, почему Кожин появляется в штабе врагов с маузером, а не с трубкой или еще лучше с зубочисткой в зубах.

Трудно сказать, что больше характеризует Кожина, — такое «железобетонное» спокойствие или самодовольная, холодная, иезуитская язвительность, которая тоже присуща почти всем киршоновским героям. Прежде чем войти в штаб, Кожин дважды предупредительно стучит в дверь, прося таким образом у хозяев разрешения войти. Этот трючок должен придать появлению Кожина и большую ядовитость и большую неожиданность. Ведь публика думает, что в дверь робко и вежливо стучится фашист, штабной чиновник, подчиненный, а появляется большевик-победитель. Здорово!

Какое ему дело, что за дверью в этот момент его товарищей пытают фашистские палачи. Для пущего эффекта он подождет минутку-две. Зато какой выход!

Войдя в штаб, Кожин на недоуменный вопрос товарища: «Зачем ты стучал?» так прямо и говорит: «А как же! Вежливость, знаешь. В Европу приехали. Ну-ка, оружие сюда! А пытать не хорошо, друзья мои, не годится...»

Кожин ворвался в штаб фашистов не для того, чтобы спасти товарищей и сразить врагов, а лишь для того, чтобы продемонстрировать свою собственную персону.

А вот другой центральный герой пьесы — Голубев.

Когда фашисты, пытая и допрашивая Голубева в присутствии Зорьки, предлагают советскому летчику сохранить жизнь за выдачу военных тайн, Голубев вдруг соглашается. «Эх, Зоренька, — говорит он, — мальчик мой... Трудно, одному трудно. Скажу...»

Зорька потрясен. Он приходит в ужас от предательства, от измены старшего товарища. Но вот Голубев вместо того, чтобы выдать тайну, дает на вопросы фашистов насмешливые, издевательские ответы.

Зачем понадобилась эта игра? Зачем было наносить жесточайший удар мальчику, потрясать его душу! Для театрального эффекта. Для неожиданности. Публика ждет от Голубева предательства, а он герой! Здорово?

Эффекты, трюки, фокусы! Как охотно занимается ими очень спокойный драматург, когда жизнь его героев висит на волоске. Как самодовольно вместе с героями кокетничает он спокойствием и язвительностью.

Бесчеловечность не худшее качество киршоновских героев. Гораздо неприятнее их «человечность», потому что, когда они холодны, бездушны и язвительны, они, по крайней мере, менее фальшивы и не так неуклюжи.

Кожин и Голубев в воздухе. Кожин прыгает с самолета. Его парашют запутывается в хвосте самолета. Голубев, чтобы спасти Кожина, решает сделать посадку на очень малой скорости. Это грозит гибелью и Голубеву и самолету. На аэродроме следят за самолетом, готовятся к помощи. Как ведет себя жена Голубева — Валя? Вот-вот должны погибнуть ее муж, ее товарищ. Казалось бы, тревога за их жизни должна заполнить все ее существо, женщина должна застыть в ужасе, в напряженном ожидании исхода, или, если нервы не выдержат, потерять сознание. Но Валя, оказывается, в этот момент мучается угрызениями совести. Не тревога, не страх за жизнь близких людей, а мысль о том, что роковой полет совершен из-за нее, — вот что всецело занимает ее. «Это из-за меня. Я виновата», — кричит Валя. И за секунду до ожидаемой катастрофы, до посадки, буквально за секунду, опять: «Я не могу смотреть. Это все я...»

Какой жалкий эгоцентризм выступает здесь вместо любви!

Какое бездушие драматурга!

Зорька, следя за самолетом, холодеет от ужаса. Он дрожит, у него стучат зубы. Комбриг Лобов, принимающий меры к спасению летчиков, все же замечает Зорьку, подходит к нему (человечность!): «Ну, дай руку, малый. Вот так. Холодная рука какая. Перчатки тебе надо, слышишь, перчатки».

Перчатки!

Какое тонкое, какое чуткое проникновение в душу мальчика.

Какое замечательное средство против внутреннего озноба!

Как неуклюж, слеп, безвкусен и беспомощен Киршон, когда он хочет заглянуть в человеческое сердце. Приходится итти на компромиссы, на уловки, на фальшивки. Вместо истинных чувств, страстей, вместо душевных осложнений и индивидуальных противоречий он приносит на сцену слюнявую сентиментальность, спекулирует на дешевых мелодраматических положениях. Вместо темперамента и принципиальности — схоластические споры, выдуманные, несуществующие «конфликты». Вместо настоящей теплоты, взаимного понимания и чуткости людей — амикошонство, развязность, фривольность и ласковые имена.

Жену летчика Голубева Валю все, начиная от мужа и кончая едва успевшими познакомиться с ней людьми, называют не иначе, как: голубка, девочка, Валюшка, остриженок, детеныш.

Сама себя Валя называет лягушонком.

До чего умилительно, обаятельно!

Киршон положительно не знает, что ему делать со своими персонажами. Как показать простые, человеческие отношения, простые, человеческие чувства. И зачем их только выдумали? Зачем их показывать, будь они трижды неладны! Но ничего не поделаешь. Взялся за гуж, приходится тянуть. И вот Киршон «тянет волынку», как любит выражаться Зорька.

Все первое действие пьесы — вялая бессмысленная возня. Люди заводят граммофон, танцуют, отбивают чечотку. Кончается завод граммофона, его снова заводят, и снова кончается завод, и снова с ним возятся. Потом кто-то перебирает струны гитары. Приезжают Голубевы. С ними долго знакомятся, жмут руки, отрекомендовываются, потом тащат чемоданы, потом долго говорят о ремонте квартиры, зовут маляра, потом умываются, роются в вещах, курят, напевают, приходят, уходят, снова приходят и снова уходят.

Однако без диалога пьесы не напишешь. Одними чемоданами, играми, папиросами и купанием не обойдешься. Правда, Киршону в «Чудесном сплаве» удалось таким образом натянуть целый акт. Но пять действий?! Тут уже придется поговорить. А если поговорить, то уж конечно не по пустякам.

И вот автор начинает свою мелкую и бессмысленную натуралистическую возню подымать на идейную высоту.

Но действующим лицам «Большого дня» абсолютно не о чем говорить. Разговоры возникают из отношений, а отношений никаких нет. Что тут скажешь? Они курят, перебирают вещи. Но драматург упорен и настойчив. Хозяин создавшегося неловкого, нелепого положения, он властно заставляет своих гостей нарушить молчание. Он насильственно открывает им рты и приказывает: говори, говори, говори! И не просто говори, а умно, проблемно говори! Говори дискуссионно! Спорь!

Так появляются «типы», «характеры», «проблемы».

Выдуманная, в буквальном смысле слова высосанная из пальца проблема поколений среди командного состава Красной армии, нелепое противопоставление молодых командиров старым.

Затем идет очень глубокое противопоставление характеров. Голубев — плановость. Кожин — стихия. Голубев каждый свой шаг, каждое намерение записывает в книжечку, планирует. Кожин, конечно, полная противоположность. Придумав герою подобную черточку, Киршон начинает гнуть ее в три погибели. Пыжится, надувается, изобретает — все для нее. Глядишь, и проблема набежала: как жить в наши великие дни, в нашей великой стране — с книжечкой или без книжечки?!

Вскоре возникает еще одна неразрешенная социалистическим обществом мучительная проблема: маузер или туфли?

Можно ли, будучи бойцом, придя вечером домой, сменить сапоги на теплые домашние туфли, да еще связанные женой. Главного героя пьесы Кожина эта мысль приводит в исступление. «Истребитель у меня — ласточка, — говорит он, — штурмовик — ястреб, бомбардировщики — орлы... а вы, между прочим, — «туфли теплые». Эх, гражданочка-женушка, стриженные локончики...»

Еще пол-беды было бы — обыкновенные туфли. Но теплые, подумайте только, теплые — это уже совсем невыносимо. Предел! Предел мещанского вырождения!

Это — в представлении Киршона — проблема «социализм и быт».

Остается еще «проблема» — искусство и страна.

Этой проблеме мы обязаны самым тонким нюансом киршоновской мысли. «Как быть? Страну для музыки сохранить или музыку для страны?».

Тут и проблема и афоризм. Проблема, как видим, поднята на самую вершину принципиальной непримиримости. Или — или! Маузер или балалайка. Одно из двух. Возможны, конечно, только два решения этого животрепещущего вопроса. Либо всех музыкантов отправить на фронт, либо всех бойцов — в музыкальные школы. Киршон выбирает первое решение. Он отправляет малолетнего музыканта на фронт и там с притворным мелодраматическим завыванием приносит его в жертву во имя спасения страны для музыки.

Достаточно на одно мгновение представить себе действительную обстановку борьбы нашего народа с фашизмом, достаточно оглянуться на хорошо знакомые нам эпизоды из боев испанского народа и в частности испанских коммунистов с фашистскими интервентами, чтобы понять, сколько бесплодного умничания, сколько бульварной пошлятины, сколько мелкой и дешевой театральщины в «Большом дне». Только предельный индивидуалист, совершенно чуждый духу подлинного, социалистического героизма, может изощряться в придумывании всевозможных условий для максимально эффектной подачи своего героя, его «я».

Полное равнодушие автора к событиям «Большого дня» очевидно.

Так и видишь его, сочиняющего за письменным столом принудительные эпизоды о «человечности».

Равнодушием драматурга заражены и его герои. Кроме спокойствия и язвительности все человеческое им чуждо. Они бескровны и бездыханны. Они принадлежат к числу предметов неодушевленных.

Справедливость требует отметить, что однажды действующие лица «Большого дня» появляются на сцене в настоящем возбуждении. Как указано в ремарке, «все раскраснелись, дыхание учащенное». Зритель недоумевает. Почему очень спокойные киршоновские герои раскраснелись, почему они тяжело дышат? Откуда эта кровь, откуда это дыхание!

Оказывается... кросс! «Бежали двадцать минут по пересеченной местности».

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

1845 год «Бедные люди» Достоевского

В начале июня 1845 года, Достоевский закончил свое первое произведение «Бедные люди». «Кончив повесть, — вспоминает он, — я не знал как с ней быть и кому отдать».

В литературном мире Достоевский имел только одного знакомого — Д. В. Григоровича. Пригласив его к себе, он прочел ему повесть от начала до конца. Григорович слушал, боясь проронить хотя бы слово. «С первых страниц, — рассказывает он, — я понял, насколько то, что было написано Достоевским, было лучше того, что я сочинял до сих пор... Восхищенный до нельзя, я несколько раз порывался броситься ему на шею».

В тот же вечер Григорович отправился к Некрасову и прочел ему повесть. «На последней странице, — рассказывает Григорович, — когда старик Девушкин прощается с Варенькой, я не мог больше владеть собой... я украдкой взглянул на Некрасова: по лицу у него также текли слезы».

Было четыре часа утра. Некрасов, обычно сдержанный и спокойный, не мог скрыть своего волнения. Он хотел сейчас же итти знакомиться с Достоевским. «Что ж такое, что спит, — убеждал он Григоровича, — мы разбудим его, это выше сна!». Григорович уступил, и они поехали.

Знакомство с Достоевским не успокоило Некрасова. Он хотел тотчас же показать необыкновенную находку Белинскому. Едва дождавшись дня, он помчался к нему.

— Новый Гоголь явился! — закричал он, едва переступив порог комнаты.

Белинский отнесся недоверчиво к энтузиазму Некрасова. Взяв рукопись, он сухо заметил:

— У вас Гоголи-то, как грибы, растут!

Однако, начав читать повесть поздно вечером, не мог от нее оторваться и не спал всю ночь. Утром Некрасов застал Белинского в восторженном состоянии. Так же, как накануне Некрасов, он хотел немедленно видеть Достоевского.

— Приведите, приведите его скорее! — торопил он Некрасова.

Когда Достоевский явился, Белинский встретил его важно и сдержанно. Но он не умел сдерживать себя долее одной-двух минут.

— Да вы понимаете ли сами-то, — набросился он внезапно на робеющего Достоевского, — что это вы такое написали?

Достоевский безмолвно смотрел на знаменитого критика, которого видел впервые, и не отвечал ему. Он был слишком взволнован событиями последних двух дней и особенно этой последней встречей.

— Не может быть, — возбужденно говорил Белинский, — чтобы вы в ваши двадцать лет уж это понимали... Мы, публицисты и критики, только рассуждаем, мы словами стараемся раз'яснить это... Вам правда открыта и возвещена как художнику, досталась, как дар, цените же ваш дар и оставайтесь верным и будьте великим писателем!..

Достоевский вышел на улицу, упоенный встречей с Белинским. «Я остановился на углу его дома, — вспоминает он, — смотрел на небо, на светлый день, на проходивших людей и весь, всем существом своим ощущал, что в жизни моей произошел торжественный момент, перелом на веки... Это была самая восхитительная минута в моей жизни!»

«Бедные люди» вышли в свет только в январе 1846 г., в «Петербургском сборнике». Но еще задолго до выхода сборника имя Достоевского приобрело широкую известность. В октябре 1845 г. он писал брату: «О «Бедных людях» говорит уже пол-Петербурга». Еще через месяц он сообщает: «Никогда, я думаю, слава моя не дойдет до такой апогеи, как теперь».

1848 год Умер В. Г. Белинский

9 июня 1848 года умер на 38-м году жизни В. Г. Белинский, «изведенный усталостью и в самой крайней бедности» (Герцен). Последние месяцы своей жизни Белинский почти не вставал с постели. «Со спины моей не сходят мушки да горчичники, — жаловался он, — и я с трудом хожу по комнате».

Не только болезнь мучила его, — он предчувствовал, что не сегодня-завтра III Отделение сведет, наконец, с ним счеты. Панаев рассказывает: «Болезненные страдания Белинского развились страшно в последнее время от петербургского климата, от разных огорчений, неприятностей и от тяжелых и смутных предчувствий чего-то недоброго. Стали носиться какие-то неблагоприятные для него слухи, все как-то душнее и мрачнее становилось кругом его».

Все эти слухи и предчувствия оказались не напрасными. В конце февраля 1848 года III Отделение вызвало Белинского. Болезнь помешала ему явиться. Затем последовало новое приглашение. «Прийдя к нему, — вспоминает Н. Н. Тютчев, — я застаю его в страшном волнении и беспокойстве. Дело в том, что к нему явился жандарм с повесткою, приглашавшею его в III Отделение». Разумеется, Белинский, бывший уже почти при смерти, не явился и по второму приглашению. Но сколько лишних мучений и тревоги пришлось испытать ему в последние дни жизни!

В том, что смерть избавила Белинского именно от Петропавловской крепости, сомневаться не приходится. Сам Дуббельт, управляющий III Отделением, открыто признавал впоследствии, что если бы Белинский не умер, — «мы бы его сгноили в крепости». Характерный факт: когда друзья Белинского решили разыграть в лотерею его библиотеку, чтобы помочь семье, оставшейся без всяких средств, из III Отделения последовало категорическое запрещение. «Это все равно,—заявил один из жандармских сановников, — как если бы вы просили разрешения на об'явление о лотерее в пользу семейства государственного преступника Рылеева». Запрещено было даже упоминать имя Белинского. И когда в 1856 году Чернышевский печатал в «Современнике» свои знаменитые «Очерки гоголевского периода русской литературы», он вынужден был говорить о Белинском иносказательно, называя его «автором статей о Пушкине».

Редчайшая книга Батюшкова

К 150-летию со дня рождения

В 1820 году в Петербурге была напечатана диковинная книжка. На титульном ее листе было только название «О греческой антологии» и однострочный эпиграф из Виргилия.

Автор книги не был обозначен ни на обложке, ни на титульном листе. Завесу над этим именем несколько приоткрывало только уведомление «От издателя», в котором сообщалось, что «рукопись получена из Арзамаса следующим образом. За несколько лет перед сим жили там два приятеля, оба любящие страстно литературу. Во время, свободное от хозяйственных занятий, читали они вместе поэтов древних и новых и нередко старались им подражать для собственного наслаждения; не для публики, которая их не знала, и о коей они не помышляли. По стечению обстоятельств были они принуждены прекратить дружеские беседы свои; один из них был избран в земские заседатели; другой поступил во внутреннюю стражу, и бумаги их остались в руках арзамасского трактирщика, от которого мы оные получили. В том числе находилась статья, которую мы решили напечатать. Она, конечно, не может удовлетворить совершенно справедливые требования знатоков: безделки двух беспечных провинциалов могут ли не оскорбить невольно утонченный вкус столицы? Впрочем, предаем их на общий суд без дальнейших об'яснений; статья была подписана так: Срт... и А...».

Так как книга была предназначена не для широкого круга читателей, а для небольшой, избранной группы и напечатана всего в 50 (по утверждению библиографа Геннади) или в 70 (как это сообщил позднее М. Лонгинов) экземплярах, имена авторов предисловия и книжки были ее читателям хорошо известны. Арзамас, упомянутый в предисловии, конечно, не город, а недавно перед этим распавшееся литературное общество карамзинистов — противников «Беседы», в состав которого входили Жуковский, Николай Тургенев, а в последние годы и сам молодой Пушкин. Арзамасский трактирщик, он же издатель книжки и автор предисловия, был один из членов кружка — Дашков, а авторами книжки, скрывшимися под инициалами своих прежних арзамасских прозвищ — Срт (анниграмма прозвища Старушка) — С. Уваров и А. — Ахилл, знаменитый русский поэт Батюшков. Уварову в книжке принадлежит статья о замечательном памятнике античной древности — греческой антологии и приведенные в конце книги в «Прибавлениях» французские переводы стихов, Батюшкову — русские переводы из греческой антологии, включенные в статью Уварова.

Позднее, в 1834 году, статья эта целиком была перепечатана друзьями неизлечимо больного поэта Батюшкова в собрании его сочинений и, вероятно, по этой перепечатке с ней познакомился величайший русский критик В. Белинский. Белинский считал эти переводы лучшими произведениями ближайшего предшественника Пушкина — Батюшкова.

Позднее, в 60-х годах, о книжке опять вспомнили в связи с появлением в некрасовском журнале «Современник» небольшой заметки Михаила Лонгинова, описавшего книгу и полностью перепечатавшего предисловие к ней, не вошедшее в собрание сочинений Батюшкова 1834 года.

В настоящее время книга эта представляет большую библиографическую редкость и особенно любопытна, как единственный печатный памятник, сохранившийся от литературного общества «Арзамас».

Дело в том, что члены общества «Арзамас» собирались издавать отдельные книги и, даже более того, обзавестись собственным журналом. Для этого журнала Батюшковым была написана специальная статья «Вечер у Кантемира». Для него же Батюшковым совместно с Уваровым была приготовлена и статья «О греческой антологии». Как известно, журнал не был осуществлен, и, помимо мемуарной литературы и сохранившихся шуточных протоколов, от «Арзамаса» осталась только одна книжка, изданная уже после того, когда литературное общество распалось.

М. Г.

КНИЖНАЯ ХРОНИКА

ГОСЛИТИЗДАТ:

★ **«Мюпперы»** — роман талантливого антифашистского писателя **Вальтера Меринга.** Автор сатирически высмеивает нынешних властителей Германии и культивируемую ими теорию «чистоты арийской расы».

★ **«Французские лирики XIX и XX веков».** В сборнике представлено творчество крупнейших поэтов Франции от Ламартина до Элюара. Значительное место занимают произведения поэтов XIX века — Виктора Гюго, Альфреда де-Виньи, Барбье, Беранже, Альфреда де-Мюссе, Рембо, Леконта де-Лиля, Маларме, Готье и др. Переводы выполнены Бенедиктом Лифшицем.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ACADEMIA»:

★ **Том антифашистских публицистических произведений Ромен Роллана** подготовляется к изданию. В томе будут помещены статьи, письма, а также стенограммы выступлений великого французского писателя против мирового фашизма, в защиту родины новой культуры — Советского Союза.

★ **«Мои университеты» М. Горького** — одно из лучших изданий «Academia» этого года. Книга выпущена на хорошей, плотной бумаге, отпечатана крупным, красивым шрифтом, тщательно оформлена и иллюстрирована двенадцатью рисунками Б. Дехтерева.

На выставке работов В. В. Маяковского. Фото Р. Бенарио.

ВОПРОС ДИРЕКТОРУ ГОСЛИТИЗДАТА тов. Н. Н. НАКОРЯКОВУ

В связи с недостатком бумаги у изд-ва Гослитиздат сократил свой производственный план на 1937 г. Казалось бы, что из плана нужно было в первую очередь убрать такие издания, в которых нет особой потребности для наших читателей.

Однако к этому весьма важному вопросу руководство издательства подошло бюрократически. Планы сокращались механически по разделам литературы, а не по актуальности произведений.

Пушкин наш и нужный нам поэт. Его произведениями зачитывается наша советская страна, но его книг нехватает.

В 1937 году предполагалось издать 5-м изданием его сочинения (шеститомник). При сокращении плана оставили на 1937 г. только 3 тома, а остальные перенесли на 1938 год. Я бы не возражал против этого, если бы в плане текущего года издательство не оставило немало слабых и ненужных советскому читателю книг, и даже вредных книг. Так, лишь в последнее время издательство отказалось от мысли издавать клеветническое призведение Бруно Ясенского — «Человек меняет кожу».

Интересно, думает ли издательство заново пересмотреть план?

К. ГЕЙНЦ.

ЧИТАТЕЛЬ НАПИСАЛ БИОГРАФИЮ ПУШКИНА

Гослитиздат выпускает популярный биографический очерк о великом русском поэте А. С. Пушкине. Автор биографии — Аркадий Синявин — не ученый литературовед, а рядовой советский читатель, раз'ездной агент финотдела в г. Новороссийске. В настоящее время Синявин проходит военную подготовку в лагерях.

Биографию Пушкина он написал в связи с об'явленным в прошлом году конкурсом Гослитиздата, который, как известно, завершен не был.

Академический Пушкин

Вышел в свет четвертый том академического издания полного собрания сочинений А. С. Пушкина.

Том состоит из двух разделов. В первом дан окончательный, канонический текст пушкинских поэм 1817—24 годов — «Руслан и Людмила», «Кавказский пленник», «Гавриилиада», «Вадим», «Братья-разбойники», «Бахчисарайский фонтан» и «Цыганы».

Во втором разделе печатаются черновые редакции произведений, помещенных в томе, части, не включенные Пушкиным в окончательный текст поэм, планы, конспекты и т. п. Черновые редакции поэм и их частей воспроизводятся полностью и в той последовательности, в которой они следуют в пушкинских рукописях.

Слово поэта живет

На выставке работ В. В. Маяковского

Рукописи и книги, отрывки из поэм, наброски, письма и записки, лозунги, газетные вырезки, «Окна Роста», иллюстрации, агитационные плакаты, афиши, рекламные стихи, фотографии и рисунки.

Экспонатов очень много, и чувствуется, что их еще больше, но «жилплощадь» одной из комнат Государственного литературного музея не могла вместить огромного наследства большого человека, поэта и бойца революции — Владимира Владимировича Маяковского.

В небольшой комнате музея — витражи, подвижные стэнды, десятки окантованных текстов, рисунков, карикатур. Здесь целая жизнь поэта— от детства до последних дней. Высоко, над головами людей, почти у самого потолка, на светлом фоне — замечательные слова:

«Маяковский был и остается лучшим, талантливейшим поэтом нашей советской эпохи». И. СТАЛИН.

Даже цветистая афиша, возвещающая о поэме «Хорошо», составленная самим Маяковским, агитирует, зовет, будоражит. Поэт требует, чтобы каждая строка книги, плаката, газетного лозунга была оружием, бомбой, трубой, зовущей к борьбе, к победе.

В разделе «Первые годы революции» собраны редчайшие экспонаты. Среди них: сатирический журнал «Соловей», где напечатано «Ешь ананасы, рябчиков жуй», журнал «БОВ», сборник «Ржаное слово», «Окна Роста».

Огромнейший интерес у посетителей выставки вызывает рукопись «150.000.000», недавно приобретенная Государственным литературным музеем в Праге.

Хорошо представлены издания поэмы «Владимир Ильич Ленин».

В разделе «Маяковский в газете»— десятки вырезок и стихов поэта из «Правды», «Известий», «Комсомольской правды», много вырезок и из провинциальных газет.

Слово поэта живет, недаром так свежо и бодро звучит последний, завершающий выставку раздел оборонной поэзии, — стихов, которые каждую минуту напоминают о военной опасности.

Вот сборник стихов «Готовься, целься». Рядом плакат, выпущенный Изогизом только в прошлом году, на нем стихи Владимира Владимировича:

Будь горд, будь рад
Стать красноармейцем в ряд.

Интереснейшая выставка работ В. В. Маяковского нужна и поучительна для многих и многих наших поэтов и писателей.

ЮР

Новое в журналах

«НОВЫЙ МИР»

На-днях появится четвертый (апрельский) номер журнала «Новый мир».

Первые его страницы отведены **«Военным повестям» Ал. Дроздова.**

Это — повести о людях, прошедших через горнило гражданской войны, научившихся по-новому смотреть на мир.

В повести «Таврические дни» автор рассказывает о сестре милосердия Первой Конной армии. Из тихой провинциальной барышни она становится мужественным, стойким и преданным товарищем красных бойцов.

★

В номере журнала напечатан рассказ **П. Нилина «Золотые руки».** Герой рассказа — опытный квалифицированный вор по фамилии Буршин.

Он явился на свет в дореволюционное время, с клеймом незаконнорожденного сына кухарки. Девяти лет, выброшенный хозяином на улицу, он совершает свое первое преступление. С этих пор, в течение 40 лет, Буршин является одним из самых крупных воров не только в России, но и за границей. Только советская власть воспитала в нем ненависть к его прошлому, заставившую его навсегда порвать с ним.

★

В коротенькой новелле **Ив. Кратта «Каюр»** рассказана трогательная история об эскимосе, который, невзирая на вьюгу и метель, рискуя жизнью, догоняет переписчика населения, чтобы сообщить ему для абсолютной точности переписи о только что родившемся ребенке.

★

Из больших прозаических произведений в четвертой книге «Нового мира» идет продолжение романа **Матэ Залка «Добердо».**

★

Отдел поэзии состоит из стихов **А. Суркова, Павла Усенко, С. Васильева, С. Щипачева, Н. Незлобина** и дальневосточного поэта **Анатолия Гай.**

В отделе «Люди и факты» читатель найдет статьи: **Виленского** и **Черненко** о неустрашимом, мужественном полярнике Ушакове; **И. Экспер** — «Москва—Волга» и посвященную Колыме статью **Е. Юнга** «Конец Ольской тропы».

Долганский фольклор

Далеко, на крайнем севере, в обширной Таймырской тундре живут охотники-оленеводы долганы. Племя долган немногочисленно: по данным приполярной переписи 1927 года оно насчитывало всего **699** человек.

Территория, занимаемая долганами, ограничена с запада Енисеем, с востока — рекой Анабара, с юга — лесотундрой, с севера — волнами Ледовитого океана. Бедна и сурова здесь природа. Чахлая растительность покрывает долины Таймыра. Зимой свирепствуют бураны. Летом в болотистых низинах тундры в несметном количестве водятся комары. Для спасения оленьих стад от «гнуса» охотники в летнюю пору перебираются на север. Осенью они снова возвращаются к «краю леса», где есть топливо и мятели не так страшны, как в тундре.

Повседневная жестокая борьба маленького племени с северной природой ярко отразилась на устном долганском творчестве. Несмотря на свою малочисленность, долганы обладают довольно большим собранием сказок, рассказов, былин и песен. Особенно популярны среди охотников короткие рассказы, сюжет которых весьма разнообразен. В них говорится о происхождении животных, о проделках лисы, которые напоминают приключения знаменитого Рейнеке-лиса или лисы русских сказок, о превращениях людей в животных, о путешествиях по сказочным странам. Слушать эти рассказы — любимое развлечение долган в темные зимние вечера. Среди молодежи большой любовью пользуются загадки. Темой их является окружающая природа («У вертлявого зверя поскоблить не найдется мяса» — **комар**), предметы быта («Много людей, схватившие друг друга за волосы, плясали, стояли» — **остов шестового чума**), человек, его лицо («Стадо оленей кругом озерка кормиться стоит» — **зубы**).

До революции долгане подвергались неслыханной эксплоатации со стороны русских и якутских купцов. Отдаленность края от так называемых культурных центров царской России способствовала дикому произволу эксплоататоров. Торгаши были здесь единоличными и полновластными хозяевами. В институте антропологии и этнографии Академии наук СССР хранится «зубной ключ» купца Сотникова, названный им Ландур.

Ландуром Сотников выдергивал зубы у своих несостоятельных должников-туземцев.

Тема хищничества русских колонизаторов особенно сильно отражена в долганских сказках. Образ купца рассказчик зачастую ассоциирует с образом чиновника. Это легко понять: царские чиновники — сборщики налогов грабили долган не меньше, чем купцы.

Песни и рассказы исполняются всеми охотниками. Сказки и былины обычно рассказываются специальными «сказителями».

Долганские былины — олонго — представляют собой большие повествования, в которых рифмованная песня чередуется с рассказом.

«Рассказывание былин требует особой обстановки,— пишет специалист долганского фольклора А. А. Попов. Знаменитые сказители говорят только после наступления темноты. При этом в старину знаменитые сказители заставляли накрывать голову большим платком.

Часто былина рассказывается в течение нескольких ночей, но каких бы размеров она ни была, она обязательно должна быть прослушана до конца, в противном случае сокращается век сказителя... Слушатели время от времени своими выкриками дают понять сказителю, что они слушают его со вниманием. Если во время рассказывания кто-либо из слушателей заснет, хороший сказитель узнает об этом, даже не видя,— речь его не течет уже так плавно и гладко, как до этого. Он начинает испытывать затруднения в подборе слов или, как говорят долгане, «языком своим узнает, кто спит».

Устное поэтическое творчество долган совершенно неизвестно русскому читателю.

Выходящий на-днях в издательстве «Советский писатель» сборник «Долганский фольклор» является первой публикацией сказок, рассказов и песен маленького народа, живущего на крайнем севере Советского Союза.

В сборнике представлены все виды долганского устного творчества: рассказы о животных, сказки, песни, рассказы о шаманах, олонго, предания о разбойниках.

Тексты произведений записаны этнографом **А. Поповым.** Литературная обработка — **Е. Тагер.**

Большой недостаток сборника тот, что в нем совершенно отсутствуют образцы пореволюционного фольклора долган.

В. ЛОНОВ.

«ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР» В. ГРИГОРЕНКО

Потребовалось 7—8 месяцев для того, чтобы дирекция издательства «Советский писатель» догадалась освободить В. Григоренко от занимаемой им должности главного редактора.

Между тем истинный облик этого редактора давно уже стал ясен работникам издательства. Не нужно было обладать исключительной дальнозоркостью, чтобы увидеть, что Григоренко не наделен способностями, необходимыми человеку на столь ответственном посту. Он без малейшего сопротивления пропускал книги, содержавшие явно троцкистские установки и всяческие ошибки («Киров» Чумандрина, рассказы врага народа Ив. Макарова и др.), сорвал выпуск сборника к годовщине смерти Горького, заключал договора на совершенно ненужные книги (Рязанова, Логинова-Лесняка и др.).

В своих выступлениях на собраниях в издательстве Григоренко допустил ряд политически неверных формулировок и договорился до возмутительных антипартийных выпадов.

Особенно показательны в связи с этими фактами дружеские отношения Григоренко с бандитом Радеком. До самого последнего времени Григоренко скрывал от парторганизации «Советского писателя» тот факт, что всего лишь в июле 1936 г. он совместно с критиком П. Рожковым был в гостях у Радека на его даче.

Из всего этого становится ясным, что ошибки и срывы Григоренко носили отнюдь не случайный характер, а представляли собою своего рода систему. Поэтому решение парторганизации, ограничившейся вынесением Григоренко строгого выговора с предупреждением, вызывает недоумение.

Литературный Киев

ОТ НАШЕГО КОРРЕСПОНДЕНТА

Редкий экземпляр произведений **К. Батюшкова** обнаружен в фондах старопечатной книги библиотеки Академии наук УССР. Экземпляр этот представляет собой первое издание книги **«Опыты в стихах и прозе».** В книжку, изданную в 1817 году, вошли произведения «Тасс и Ариост», «О характере Ломоносова», «Прогулка в Академию художеств» и др.

Институт языковедения Академии наук УССР работает над составлением большого **украино-русского словаря,** в котором будут собраны и все новые слова и фразеологические обороты, возникшие в украинском литературном языке после Великой пролетарской революции.

Экспедиции института языковедения уже второй год записывают в различных местах Украины образцы живого народного языка. На основе этих материалов институт выпустит книги с пояснительным текстом.

Управление по делам искусств при СНК УССР по постановлению СНК Украины об'явило открытый **конкурс на лучшую пьесу о новом колхозном селе.** В жюри конкурса входят: т. Хвыля (председатель), украинские драматурги, поэты, театральные деятели: Червонный, Соболев, Гнат Юра, А. Корнейчук, И. Микитенко, П. Тычина, Ю. Яновский, М. Крушельницкий. Установлены 3 премии в **15, 10 и 8** тысяч рублей. Последний срок представления пьес — 15 ноября 1937 года. Лучшие пьесы будут изданы и рекомендованы к постановке в театрах УССР.

Скульпторы Гриншпут и Гевека работают над **памятником Н. А. Островскому,** изображающим героическую жизнь писателя-комсомольца. Отлитый из бронзы, памятник будет установлен в г. Шепетовке, Винницкой области — на родине писателя.

Мраморный бюст Т. Г. Шевченко, работы скульптора Макогона, будет установлен в заповеднике-музее им. Шевченко в Каневе, на Киевщине.

Состоялось расширенное заседание бюро ЦК ЛКСМУ, посвященное работе Детиздата ЦК ЛКСМУ. В заседании участвовало свыше 30 писателей, пишущих для детей, сотрудники детских журналов и художники.

По докладу директора издательства высказались многие писатели, в том числе тт. Квитко, Копыленко, Первомайский, Панч, Корнейчук, Негода, Рыбак, Донченко, Владко и др.

С речью выступил секретарь ЦК ЛКСМУ **т. Андреев.**

Газеты сообщают:

30 мая в Вологде, на родине поэта **К. Н. Батюшкова,** было отмечено 150-летие со дня его рождения. В городском театре состоялось торжественное собрание, которое заслушало доклад о жизни и творчестве Батюшкова. Открылась выставка, где собраны книги и портреты Батюшкова, критические статьи о его творчестве, журналы, в которых он сотрудничал.

Юбилейный комитет вошел с ходатайством в президиум горсовета и облисполкома об установлении в Вологде памятника Батюшкову и учреждении двух стипендий его имени для студентов-отличников литературного факультета. **(«Правда»).**

★

Управление по делам искусств при Совнаркоме Автономной Чечено-Ингушетской республики об'являет **конкурс на лучшую пьесу** к двадцатой годовщине Великой социалистической революции. Конкурсные пьесы должны отразить героическую борьбу чечено-ингушского народа против царских колонизаторов и белобандитов. На премии ассигновано 20 тысяч рублей. **(«Грозненский рабочий»).**

★

Ученики седьмых классов Новобытовской неполной средней школы, посетившие деревню Мелихово, в своем письме в редакцию районной газеты пишут:

«Мы хотели увидеть домик, в котором жил и творил один из великих русских писателей **Антон Павлович Чехов.** Но какое разочарование охватило нас, когда мы подошли к домику. Окна раскрыты и побиты. Двери распахнуты. Обои со стен содраны. Словно на дом был налет каких-то варваров... Нас поразило, — заканчивают свое письмо школьники,—почему так равнодушны к чеховскому домику колхозники и школа, построенная А. П. Чеховым и носящая его имя? Почему районные организации смотрят на это сквозь пальцы? Нельзя допускать, чтобы разрушался домик Чехова. **(«Красное знамя».** Лопасня, Московской области).

★

Немецкий антифашистский писатель **Маркузе,** совершающий поездку по СССР, провел несколько дней в Баку, где он знакомился с культурными учреждениями, жизнью и литературой Азербайджана **(«Бакинский рабочий»).**

В ССП ТУРКМЕНИИ

25 мая в Ашхабаде состоялось собрание туркменских писателей.

Отчет о работе правления ССП сделал т. О. Ташназаров.

В широко развернувшихся прениях писатели подвергли суровой критике деятельность председателя правления ССП Х. Чарыева.

— Только благодаря наличию в писательской организации политической слепоты и беспечности, — говорили они, — долгое время в качестве бесконтрольного «руководителя» союза подвизался троцкист Чарыев, который, окружив себя врагами народа, развалил всю работу в организации.

Собрание единогласно постановило Х. Чарыева снять с поста председателя правления и исключить из членов союза писателей.

Обязанности председателя ССП Туркмении временно возложены на тов. О. Ташназарова.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

В связи с сообщениями в печати о моем выступлении на собрании драматургов 21 мая прошу вас поместить следующее:

1. По отчету о собрании в «Известиях ЦИК» от 23 мая выходит, что я заступался за Киршона. Должен сказать, что деятельность Авербаха и Киршона с моей точки зрения глубоко вредна и исполнена тягчайших преступлений — политических и моральных. Сам я никогда ничего общего с этой группировкой не имел. В своей речи я говорил не о Киршоне, но об Управлении по охране авторских прав, которое возникло не по воле Киршона и не для его деляческих и преступных целей. Очень жалею, что могло создаться такое впечатление, будто я пытаюсь защищать преступления Киршона.

2. В пылу полемики я позволил себе недопустимо резко охарактеризовать содержание одной из заметок в «Известиях ЦИК». Призванный к порядку председателем, я тут же отказался от этого выражения. Но, разумеется, неуместен самый факт использования в речи подобных резких выражений. И в этом смысле упреки по моему адресу считаю заслуженными.

В. АРДОВ.

Ответственный редактор Л. М. СУБОЦКИЙ.
ИЗДАТЕЛЬ: Журнально-газетное об'единение.

РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, По следний пер., д. 26, тел. 69-61.
ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страст ной бул., 11, тел. 4-68-18 и 5-51-69.

Уполном. Главлита В—26130.

Типография газеты «За индустриализацию», Москва, Цветной бульвар, 30.